

## ЕВРИПИД

### ФИНИКИЯНКИ<sup>1</sup>

Перевёл с древнегреческого Вланес

### ИОКАСТА<sup>2</sup>

Путь прорезающий сквозь толпы звёзд небесных,  
на золочёную всходящий колесницу,<sup>3</sup>  
взметающий<sup>4</sup> огонь проворными конями,  
пресветлый Гелиос, какое горе Фивам  
твой луч принёс в тот день, когда из Финикии,  
страны береговой, в наш город Кадм<sup>5</sup> явился!  
Он взял Гармонию,<sup>6</sup> дитя Киприды,<sup>7</sup> в жёны.  
Родился Полидор,<sup>8</sup> а у него, по слухам,<sup>9</sup>  
сын Лабдак<sup>10</sup> был рождён, затем родивший Лая.<sup>11</sup>  
А я прославлена, как дочь Менекёя,<sup>12</sup>  
и мать родимая у нас одна с Креонтом.<sup>13</sup>  
Мне имя дал отец. Зовусь я Иокастой.  
Лай мужем был моим. Хотя мы жили в браке  
немало времени, семья была бездетной.  
И к Фебу<sup>14</sup> муж пошёл и умолял оракул  
наш брак обогатить детьми мужского пола.

<sup>1</sup> Трагедия «Финикиянки» была создана около 408 года до н.э. и впервые поставлена, скорее всего, в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: *Euripidis Fabulae*. Edidit J. Diggle. Tomus III. Oxford: Clarendon Press, 1994. 71-179. При переводе были использованы комментарии Пирсона (*Euripides. The Phoenissae*. Edited by A.C. Pearson. Cambridge: Cambridge University Press, 1909), Пауэлла (*The Phoenissae of Euripides*. Edited with Introduction and Commentary by John U. Powell. New York: Arno Press, 1979) и Мастронарда (*Euripides. Phoenissae*. Edited with Introduction and Commentary by Donald J. Mastronarde. Cambridge: Cambridge University Press, 1994). Хоровые партии переведены по метрическим схемам Мастронарда. Перевод сверен с подстрочной английской версией Ковача: *Euripides. Phoenician Women*. Edited and Translated by David Kovacs. Vol. V. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. 201-397.

<sup>2</sup> Иокаста (Ἰοκάστη) – царица Фив, мать Эдипа.

<sup>3</sup> Подлинность первых двух строк обычно подвергается сомнению на основании как сохранившихся рукописных данных, так и неловкого нагромождения причастий.

<sup>4</sup> Дословно – «εἰλίσσω», т.е. «вращающий». Читатель может поставить этот вариант в перевод.

<sup>5</sup> Кадм (Κάδμος) – мифологический герой, основатель знаменитого города Фивы в Беотии.

<sup>6</sup> Гармония (Ἄρμονία) – богиня согласия, олицетворение счастливого брака. По одной легенде, дочь «противоположных» богов Ареса и Афродиты. Мастронард (с. 143): «[Гармония] – персонаж без хорошо известных мифологических данных или атрибутов, кроме своих отношений с Кадмом <...>. Как персонификация гражданского согласия и единства, она хорошо соответствует Кадму, основателю города».

<sup>7</sup> Киприда (Κύπρις) – прозвище богини любви Афродиты, рождённой из морской раковины вблизи острова Кипр.

<sup>8</sup> Полидор (Πολύδωρος) был младшим сыном Кадма и Гармонии.

<sup>9</sup> «По слухам» («λέγουσιν», досл. «говорят») – странно, что царица Иокаста ссылается на слухи, как будто она сама не знает генеалогии своей же семьи.

<sup>10</sup> Лабдак (Λάβδακος) – царь Фив, сын Полидора и Никтеиды, дед Эдипа.

<sup>11</sup> Лай (Λαῖος) – царь Фив, сын Лабдака, муж Иокасты, отец Эдипа.

<sup>12</sup> Менекей (Μενεκεύς) – отец Креонта и Иокасты. Желая смягчить гнев богов, поразивший Фивы из-за нечестивого брака Эдипа, бросился с городской стены.

<sup>13</sup> Креонт (Κρέων) – фиванский царь. Эта строка считается подложной.

<sup>14</sup> Т.е. в Дельфы.

Тот рек: «Правитель Фив, прославленных конями,<sup>15</sup>  
 не засевай бразду наперекор бессмертным!  
 Коль сына ты родишь, тебя он уничтожит,  
 и будет весь твой дом багряной залит кровью».  
 Но муж, поддавшийся разгульному веселью,  
 со мною лёг в постель. Когда родился мальчик,  
 одумался мой муж, и, помня слово божье,  
 дал сына пастухам, чтоб на равнине Геры,<sup>16</sup>  
 среди Киферонских скал<sup>17</sup> оставили младенца,  
 штыри железные вонзив ему в лодыжки,  
 отсюда эллины зовут его Эдипом.<sup>18</sup>  
 Дитя табунщики Полибиевы<sup>19</sup> взяли,  
 в дом царский отнесли и отдали царице.  
 Она плод мук моих к сосцам своим прижала,  
 супруга убедив, что родила младенца.<sup>20</sup>  
 Когда сын возмужал и стал рыжебородым,  
 то, что-то сам поняв, а, может, и услышав,  
 отправился искать родителей желанных  
 в жилище Фебово.<sup>21</sup> Пошёл и Лай, супруг мой,  
 решившись разузнать о брошенном ребёнке,  
 живой ли он ещё. Они же повстречались  
 там, где фокидская<sup>22</sup> расходится дорога.<sup>23</sup>  
 На сына моего возница Лая крикнул:  
 «Чужак, посторонись! Тиранам<sup>24</sup> дай проехать!»  
 А тот с достоинством, безмолвно шёл, и кони  
 копытами ему лодыжки раскровили.<sup>25</sup>  
 К чему рассказывать подробности несчастья?

<sup>15</sup> В древности Фивы славились своими лошадьми и колесницами.

<sup>16</sup> Какое место имеется в виду, точно не известно. Гэра (Ἦρα) – верховная богиня, сестра и жена Зевса. Возможно, на этой равнине стоял её храм.

<sup>17</sup> Киферон (Κίθαιρόν) – первый царь платейцев, по имени которого назван горный хребет в Греции. Помог Зевсу помириться с Герой, которая после ссоры удалась в Эвбею. Зевс по совету Киферона стал везти на паре быков некую статую, называя её своей невестой. Гера сразу явилась, сорвала одежду со статуи и обнаружила дерево. После этого она помирилась с мужем.

<sup>18</sup> Эдип (Οἰδίπους) – фиванский царь, сын Лая и Иокасты. По неведенью убил своего отца и женился на своей матери. Имя Эдипа можно перевести как «Пухлоногий», т.е. с распухшими (от ран) ногами (от глагола οἰδάω – распухать и т.п.). Эта и предыдущая строка иногда считаются более поздними вставками.

<sup>19</sup> Полибий (Πόλυβος) – царь Коринфа. У него не было наследников, поэтому он усыновил Эдипа.

<sup>20</sup> По поводу того, что именно там произошло, ведутся споры. Вопрос в том, был ли у жены Полибия свой ребёнок или нет. Есть три варианта: (1) эта царская семья была бездетной, и царица, стремясь оправдать ожидания мужа, солгала ему, сказав, что у неё родился сын; в таком случае, ребёнку нужна была кормилица, а царевна лишь притворялась, что кормит его грудью; (2) у них был свой сын, но он умер, и царица заменила его тайком от мужа; и (3) была девочка, которую заменили на мальчика, способного унаследовать трон. Как бы там ни было, но царь получил искалеченного ребёнка в качестве собственного сына.

<sup>21</sup> Т.е. в Дельфы.

<sup>22</sup> Фокида (Φοκίς) – область в Центральной Греции.

<sup>23</sup> Пирсон (с. 78): «Распутье» или «Тройной Путь» <...> расположен примерно в пяти милях [8.05 км – В.Н.] на юго-запад от Давлиды, в месте, где встречаются три пути, ведущие из Давлиды, из Дельф и из Фив. <...> Эдип, идущий из Дельф, встречает Лая, едущего из Фив. Здесь, очевидно, <...> оба направляются в сторону Дельф, и Лай обгоняет Эдипа».

<sup>24</sup> Множественное число (так в оригинале) подчёркивает социальную значимость Лая.

<sup>25</sup> Мастронард (с. 155): «Конкретная рана, здесь упомянутая, должна напоминать, я думаю, о более ранней травме, нанесённой Лаем Эдипу».

Отца зарезал сын, а колесницу отдал  
 в подарок отчиму, Полибию. Когда же  
 душила город Сфинкс,<sup>26</sup> а муж мой был в могиле,  
 Креонт, мой брат, велел провозгласить повсюду,  
 что разгадавшему загадку мудрой девы<sup>27</sup>  
 он в жёны даст меня. И как-то умудрился  
 Эдип, мой сын, понять, что песня Сфинкса значит,<sup>28</sup>  
 поэтому он стал царём пределов этих,<sup>29</sup>  
 и скипетр царский взял, и завладел землёю,  
 и собственную мать взял в жёны, горемычный,  
 а мать не ведала, что отдаётся сыну.  
 Ему я родила двух мальчиков здоровых,  
 зовут их Этеокл и Полинík отважный,<sup>30</sup>  
 и девочек: одну отец назвал Исменой,  
 другую нарекла сама я Антигоной.<sup>31</sup>  
 Узнав, что с матерью он браком сочетался,  
 Эдип, отведавший всех мыслимых несчастий,  
 кровавому подверг свои глаза убийству,  
 зрачки застёжками изранив золотыми.<sup>32</sup>  
 Чуть щёки сыновей от пуха потемнели,  
 отец был заперт прочь, чтоб все его забыли,  
 хоть это хитростей потребовало многих.  
 Он во дворце живёт. Судьбой своей измучен,  
 он предал сыновей гнуснейшему проклятью,  
 чтоб этот край они мечом делили острым.  
 А те, напуганы, что небо брань отцову  
 исполнит, если трон они займут совместно,  
 решили сделать так: пусть Полинник, брат младший,  
 уедет из страны, а Этеокл пусть правит  
 весь год, потом же брат вернётся править на́ год,  
 ну и так далее. Но старший брат присвоил  
 бразды правления, и, трон не уступая,  
 в изгнание через год отправил Полинника.  
 Подался в Аргос тот, с Адрастом<sup>33</sup> породнился,

<sup>26</sup> Сфинкс (ἡ Σφίγξ, досл. «Душительница») – чудовище с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка. Вопреки распространённой ошибке, Сфинкс – существо женского рода. Пирсон (с. 79): «Каждый день, пока её загадка оставалась неразгаданной, Сфинкс хватала и пожирала одного человека [a victim]».

<sup>27</sup> Сфинкс была девственной.

<sup>28</sup> По одной из версий, загадка Сфинкса была стихотворной и пелась. Текст был такой: «Скажи мне, кто ходит утром на четырёх ногах, днём — на двух, а вечером — на трёх? Никто из всех существ, живущих на земле, не изменяется так, как он. Когда ходит он на четырёх ногах, тогда меньше у него сил и медленнее двигается он, чем в другое время?» Ответ Эдипа был такой: «Это человек. В младенческом возрасте он ползает, в расцвете сил ходит на двух ногах, а в старости — опирается на трость».

<sup>29</sup> Эта строка и следующая (либо вместе, либо по отдельности) объявляются иногда подложными на основании их тавтологичности.

<sup>30</sup> Эпитет здесь получает лишь Полинík, поэтому считается, что таким образом Иокаста выказывает своё предпочтение одному из сыновей.

<sup>31</sup> Обычно отец давал имена всем детям. То, что в данном случае Эдип разрешил это сделать Иокасте, может говорить о хороших отношениях в семье и о взаимном уважении между супругами.

<sup>32</sup> Это так называемые «фибулы» – застёжки для одежды, напоминающие большие булавки.

аргивских воинов привёл под наши стены<sup>34</sup>  
и требует, в кольцо взяв город семивратный,  
и скипетра отца, и половины царства.  
Стремясь унять вражду, я сына убедила  
взять перемирие перед началом битвы.  
Глашатай говорит, что сын сейчас придёт.  
О Зевс, блистающий в лазурных недрах неба!  
Спаси нас, благостный! Дай детям примиренье!  
Нельзя ведь, если ты и вправду многоумен,  
чтоб вечно мучился один и тот же смертный!<sup>35</sup>

СЛУГА<sup>36</sup>

Свет дома отчего, царевна Антигона!  
Тебя пустила мать, поддавшись уговорам,  
на самый верх дворца из девичьей подняться,  
чтоб войско аргивян ты лучше разглядела,  
но всё равно постой! Мне нужно путь разведать,  
нет ли на улице кого-нибудь из граждан,<sup>37</sup>  
а то ругательствам и я, как раб, подвергнусь,  
и ты, как госпожа. Я всё прекрасно знаю  
и расскажу тебе про мой поход к аргивцам.  
Я брату твоему носил слова о мире  
и вновь пришёл домой с такими же словами.  
Никто из горожан у дома не толчётся.  
Вставай на лестницу из векового кедра,  
оглядывай поля! Над струями Исмена<sup>38</sup>  
и Дирки<sup>39</sup> голубой какая толща вражья!

АНТИГОНА<sup>40</sup>

Тянись же, тянись увядшей рукой  
к руке молодой,  
дай мне ногу снять с лестницы!

Сл.

Вот, девушка! Держи! Ты вовремя пришла!  
Уже задвигалась вся армия пеласгов<sup>41</sup>

<sup>33</sup> Адраст (Ἄδραστος) – царь пелопонесского города Аргоса, одного из сильнейших городов Древней Греции. На его дочери Аргии (Ἀργεία) женился изгнанный Полиник. Имя «Адраст» можно перевести как «Неучаствующий» или «Непричастный». Адраст пошёл в поход на Фивы против своей воли.

<sup>34</sup> Более точный перевод: «Аргивские щиты привёл под наши стены» («πολλὴν ἀθροίσας ἀσπίδ' Ἀργείων ἄγει»).  
<sup>35</sup> Из текста непонятно, имеет ли Иокаста в виду кого-нибудь конкретно (например, саму себя или своего мужа Эдипа) или же говорит абстрактно, обо всей своей стране или о своём роде.

<sup>36</sup> Иокаста ушла со сцены. Теперь появляется Слуга в сопровождении Антигоны.  
<sup>37</sup> В Древней Греции считалось неприличным, чтобы незамужняя девушка ходила по всему дому, а тем более появлялась на людях. Особенно это касалось аристократии.

<sup>38</sup> Исмён (Ἰσμήνως) – небольшая река в Беотии, протекающая через Фивы.  
<sup>39</sup> Дирка (Δίρκη) – речка, приток Исмена.

<sup>40</sup> Начинается сцена осмотра вражеских войск, подлинность которой вызывает сомнение у целого ряда исследователей. Согласно указанию анонимного византийского (?) комментатора, Антигона и Слуга поднимаются по лестнице к верхним покоям дворца. Слуга уже взобрался, Антигона следует за ним. На протяжении всей сцены Антигона, вероятно, поёт свои реплики (весьма разнообразные с точки зрения размера), Слуга же говорит неизменно ямбическим триметром. Сцена переведена размерами оригинала, насколько их можно установить. Перевод следует метрической схеме Мастронарда (с. 174-5).

- и на отдельные расходятся отряды!
- Ан. Моя госпожа,  
дочь Лёто,<sup>42</sup> Геката<sup>43</sup>! Как медным огнём  
всё поле горит!
- Сл. Наш Полинík сюда не просто так явился,  
но с кавалерией, с бряцаньем тысяч копий!
- Ан. Врата на замкáх, закованных в медь,  
надёжно стоят? И впрямь камни стен  
скрепил Амфиóн?<sup>44</sup>
- Сл. Не бойся! В круге стен весь город безопасен!  
Вон первый из бойцов. Ты знать о нём желаешь?<sup>45</sup>
- Ан. Кто там в белом гребне стоит,  
чтобы армию вести,  
щит меднокованный легко подняв рукой?
- Сл. Лоха́г он,<sup>46</sup> госпожа. Ан. Откуда он и кто?  
Рассказывай, старик! И как зовут его?<sup>47</sup>
- Сл. В Микенах, говорят, на свет родился он.  
Живёт у лернских<sup>48</sup> вод. То вождь Гиппомедонт.<sup>49</sup>
- Ан. А! А!  
Как он кичлив! И страшен на вид!  
Безумно схож с земнородным гигантом!<sup>50</sup>  
Звездоликий, словно с картины к нам сошёл,  
не как прочие смертные!<sup>51</sup>
- Сл. Ты не заметила? Вон переходит Дирку  
ещё лохаг! Ан. На нём престранные доспехи!<sup>52</sup>  
Кто это? Сл. Вождь Тидей<sup>53</sup>, рождённый от Энея.<sup>54</sup>  
Пылает грудь его Арёсом эолийским!<sup>55</sup>

<sup>41</sup> Пеласги (Πελασγοί) – древнейшие обитатели территории, на которой впоследствии располагалась Древняя Греция. Здесь пеласгами называются аргосцы.

<sup>42</sup> Лёто, иногда Летó или Латона (Λητώ) – титанида, возлюбленная Зевса, мать близнецов Аполлона и Артемиды.

<sup>43</sup> Гекáта (Ἑκάτη) – древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего таинственного. Ковач (с. 221): «Первоначально отдельная фигура, Геката в пятом веке [до н. э. – В.Н.] сливается с Артемидой. Здесь воззвание к ней предполагает стремление предотвратить катастрофу». Артемида (Ἄρτεμις) – девственная, вечно юная богиня охоты, плодородия, женского целомудрия, покровительница всего живого на Земле.

<sup>44</sup> Эти три строки (реплика Антигоны) сложны для перевода, потому что текст испорчен. Их смысл воссоздаётся приблизительно. Амфион (Ἀμφίων, «Вездесущий») – царь Фив, сын Зевса и Антиопы.

<sup>45</sup> Эта строка считается подложной.

<sup>46</sup> Лоха́г (λοχαγός) – командир армейского подразделения.

<sup>47</sup> Эта строка и предыдущая считаются подложными.

<sup>48</sup> Имеется в виду легендарное Лернское (или Лернейское) озеро, в котором жила Гидра, убитая Гераклом. Это озеро действительно существовало. Оно находилось близ восточного побережья Пелопоннеса, к югу от Аргоса, и представляло собой пресноводное береговое озеро, отделённое от Эгейского моря песчаными дюнами. В раннем бронзовом веке диаметр озера составлял 4,7 км. Впоследствии, из-за исчезновения лесов, озеро превратилось в малярийное болото, остатки которого высохли в XIX веке.

<sup>49</sup> Гиппомедонт (Ἴππομέδων, досл. «Властитель лошадей») – древнегреческий герой, один из семерых вождей, напавших на Фивы. Известно, что он был высок ростом.

<sup>50</sup> Гиганты (Γίγαντες) – великаны, сыновья Геи (Земли), бросившие вызов олимпийским богам.

<sup>51</sup> Размер этой строки и предыдущей ясно не установлен. Для перевода взята схема Матронарда.

<sup>52</sup> Эта строка считается подложной.

<sup>53</sup> Тидей (Τυδεύς) – сын Энея и его второй жены, Перибей. Один из предводителей похода на Фивы.

<sup>54</sup> Эне́й (или Ойне́й) (Οἰνεύς) – царь Калидона, города в Южной Этолии. Не путать с Энеем, троянским героем и впоследствии основателем Рима.

- Ан. Он ведь, старик, Полинíку стал родичем,  
после того, как сестру его взял  
в супруги себе?  
Доспехи чуждые! И сам он полуварвар!
- Сл. Выходят при щитах все этолийцы, дочка,  
и бьются копьями с огромнейшим искусством.
- Ан. Откуда ты, старик, об этом столько знаешь?
- Сл. Те знаки на щитах уже я видел раньше,<sup>56</sup>  
для брата твоего неся письмо о мире.  
Взглянув на воинов, я их узнал мгновенно.<sup>57</sup>
- Ан. А кто вон там идёт, у Зетовой гробницы?<sup>58</sup>  
Он кудряв и сверкает глазами,  
этот воин молодой!  
Ещё один лохаг? За ним толпа в доспехах,  
с оружием в руках!
- Сл. А то Парфенопей,<sup>59</sup> рождённый Аталантой!<sup>60</sup>
- Ан. Пусть же его вместе с матерью стрелами  
сгубит, убьёт Артемида, покинув родимые горы,  
ведь пришёл он грабить мой дом!
- Сл. Да будет так, дитя! Но с ними справедливость,  
и боги, я боюсь, к ним будут благосклонны.
- Ан. Где брат мой родной? Его моя мать  
к беде родила!  
Старик любимейший, где Полинник? Скажи мне!
- Сл. Там, где покоятся семь дочерей Ниобы,<sup>61</sup>  
он у гробницы встал, беседуя с Адрастом.<sup>62</sup>  
Теперь ты видишь? Ан. Да, нечётко. Вижу, впрочем,  
и силуэт, и грудь. Узнать его нетрудно.<sup>63</sup>  
Мне бы облаком стать, быстроногим, как вихрь,  
и помчаться по чистому воздуху,  
и, бедный мой брат, любимейший брат,  
за шею тебя обнять, наконец,

<sup>55</sup> Другими словами, в груди Тидея живёт боевой дух (которого Еврипид персонифицирует как бога войны Ареса) этолийцев. Этолия (Αἰτωλία) – область Средней Греции.

<sup>56</sup> Пирсон (с. 86): «В более позднее время рядовые гоплиты [тяжеловооружённые пешие воины – В.Н.] выделялись тем, что носили на своих щитах начальные буквы названий своих государств (*например, Λ* вместо *Λακεδαιμόνιοι* [лакедемонцы, т.е. спартанцы – В.Н.]»).

<sup>57</sup> Эта строка и три предыдущие считаются более поздними вставками.

<sup>58</sup> Зет или Зеф (Ζήθος) – сын Зевса и Антиопы, построивший вместе со своим братом Амфионом город Фивы. В противоположность своему брату, Зет изображается простым, грубым пастухом и охотником.

<sup>59</sup> Парфенопей (ΠαρθENOΠAΪC) – герой из Аркадии, был очень красив собой. Один из семерых вождей фиванского похода.

<sup>60</sup> Аталанта (Αταλάντη, «Непоколебимая») – героиня древнегреческой мифологии, мужественная охотница.

<sup>61</sup> Ниоба или Ниобей (Νιόβη) – жена фиванского царя Амфиона. Была близкой подругой титаниды Лето. Возгордилась своими детьми (у неё было семь сыновей и семь дочерей) и похвалялась ими перед Лето, у которой было лишь двое детей, Аполлон и Артемида. Раздражённая высокомерием Ниобы, Лето обратилась к своим детям, и те поубивали стрелами всех детей обидчицы. Артемида убила дочерей Ниобы в её собственном доме, а сыновей, охотившихся на склонах Киферона (горы на границе между Аттикой и Беотией), убил Аполлон. От горя Ниоба обратилась в плачущий камень.

<sup>62</sup> В оригинале – «рядом с Адрастом» (Ἀδράστῳ πλησίον).

<sup>63</sup> Мастронард (с. 196), выражаясь не очень ясным языком, кажется, предполагает, что в облике Полиника было что-то, выделявшее его среди других воинов.

- изгнанник родной!<sup>64</sup>  
 В доспехах золотых как он красив, старик,  
 сверкая огнём, блистая в лучах солнечных!
- Сл. Придёт он в этот дом, тебя наполнит счастьем,  
 у нас ведь мир теперь. Ан. А это кто, старик,  
 умело едущий на белой колеснице?<sup>65</sup>
- Сл. Гадатель, госпожа. Зовут Амфиарай.<sup>66</sup>  
 С ним жертвы, ручейки для почвы кроволюбой.<sup>67</sup>
- Ан. Дочь Гелиоса, чей пояс – огонь!  
 Селена, кольцо лучей золотых!<sup>68</sup>  
 Как статно, умно он водит бодцом,<sup>69</sup>  
 выравнивая лошадей!  
 А где же Капаней,<sup>70</sup> глумившийся ужасно  
 над нашим городом? Сл. Он ходит возле башен  
 и сверху донизу их взглядом измеряет.<sup>71</sup>
- Ан. Вот как!  
 Услышь, Немесида!<sup>72</sup> Зевсов огонь,  
 рокочущий гром, блистающий свет!  
 Это ты усмиряешь разнузданность наглуую!<sup>73</sup>  
 Ведь он хотел своим копьём  
 фиванок пленить и в рабство отдать  
 микенкам<sup>74</sup> и трезубцу Лерны,<sup>75</sup>  
 к ручью Амимоны,<sup>76</sup> что Посейдон

<sup>64</sup> Слова «бедный» и «родной» пришлось поменять местами, чтобы сохранить дохмии.

<sup>65</sup> «Белая колесница» – в оригинале «ἄρμα λευκόν». Распространено мнение, что здесь имеется в виду колесница, запряжённая белыми конями (а не сама окрашенная в белый цвет). Анненский: «запряжка белая». Лукач, впрочем, переводит «white chariot». В переводе решено было сохранить двусмысленность оригинала. Впрочем, Антигона смотрит с довольно большого расстояния, и цвет прекрасных белых коней вполне мог, так сказать, переливаться и на саму колесницу.

<sup>66</sup> Амфиарай (Ἀμφιάραος) – царь Аргоса. Благодаря своему дару провидца знал, что поход против Фив окажется роковым почти для всех его участников, и не хотел идти, однако уступил настояниям своей жены, Эрифилы, надевавшейся на богатую добычу.

<sup>67</sup> Это трудная строка, вызвавшая много критики. Дословно она читается так: «σφάλια δ' ἄμ' αὐτῷ, γῆς φιλαίματοι ροαί», т.е. «и жертвенные животные рядом с ним, для земли кроволюбой ручьи». Комментаторы не сходятся во мнении относительно того, ведутся ли животные живыми, чтобы потом напоить землю ручейками своей крови, или же их везут уже мёртвыми, а ручейки крови стекают на землю. Более вероятен первый вариант. В переводе сделана попытка сохранить эту известную строку в её оригинальном виде, не пытаясь навязать ей какое-либо одно значение.

<sup>68</sup> Эта строка и предыдущая плохо сохранились, поэтому точный их смысл неясен.

<sup>69</sup> Бодец – остроконечная палка, которой подгоняли лошадей.

<sup>70</sup> Капаней (Καπανεύς) – воин из Аргоса, один из вождей фиванского похода. Во время приступа изрёк нечестивую клятву, что возьмёт город, даже если бы боги того не хотели, за что Зевс убил его молнией.

<sup>71</sup> Т.е. определяет на глаз размеры башен, выбирая тактику для приступа. В этом тоже проявляется воинственный характер Капанея, который готовится к битве во время переговоров о мире.

<sup>72</sup> Немесида или Немезида (Νέμεσις) – крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм.

<sup>73</sup> В оригинале – обращение на «ты», поэтому не вполне ясно, обращается ли Антигона к Немесиде и Зевсу или же к одной Немесиде. В переводе сохранена эта особенность оригинала.

<sup>74</sup> Микены (Μικῆναι) – древний город в Арголиде, один из центров греческой цивилизации. Здесь микенками называются женщины Аргоса.

<sup>75</sup> Лерна – местность в классической Греции, известная своими родниками и бывшим озером близ восточного побережья Пелопоннеса, к югу от Аргоса. Трезубцем Лерны здесь метафорически называется источник, созданный Посейдоном.

<sup>76</sup> Пауэлл (с. 155): «Амимона, одна из Данаид, отправилась за водой в Аргос, во время засухи. Посейдон, чтобы угодить ей, ударил трезубцем о землю, и оттуда забил источник, впоследствии названный её

открыл, их согнать волоком!<sup>77</sup>  
 Пусть никогда, никогда мне, владычица,  
 Зевсова дочь, госпожа златокудрая,  
 рабство познать, Артемида, не выдастся!  
 Сл. Дитя, ступай домой, в дворцовые покои.  
 Останься в девичьей. Желание своё  
 ты успокоила и всё тут посмотрела.  
 Поднялся в городе большой переполох,  
 вон женщины толпой идут к воротам царским!  
 Суть женщин такова, что любит порицать  
 по всяким поводам, пусть даже и малейшим,  
 и укрупнять вину. Для женщин сущий рай  
 друг дружку поливать позорными словами.<sup>78</sup>

ХОР<sup>79</sup>

Волны Тира покинула  
 я, дар лучший для Локсия<sup>80</sup>  
 с острова Финикии,<sup>81</sup>  
 чтоб в храме Феба служить,<sup>82</sup>  
 где под снежными высями,  
 у Парнаса<sup>83</sup> живёт он.  
 Морем шёл ионическим  
 наш корабль, а Зефир скакал<sup>84</sup>  
 над бесплодной, растянутой

---

[Амимоны – В.Н.] именем». Амимона (Ἀμιμόνη) – одна из дочерей аргосского царя Даная (у него их было пятьдесят, они обычно зовутся Данаидами).

<sup>77</sup> Эта строка и три предыдущие плохо сохранились, поэтому их смысл не вполне ясен. Перевод следует интерпретации Мастронарда (с. 203).

<sup>78</sup> Слуга боится, что горожанки увидят Антигону и начнут сплетничать, подозревая её во всех грехах. Женщинам, особенно незамужним, в Древней Греции не полагалось находиться вне дома без серьёзной причины и без сопровождения. Нахождение девушки одной, на городской стене, в обществе старого слуги, действительно, выглядело необычно и подозрительно. То, что Антигона быстро исчезает, не произнеся ни слова, может указывать на то, что она разделяет опасения старика.

<sup>79</sup> Мастронард (с. 208): «Хор состоит из финикийских девушек, посланных тирскими Агеноридами для того, чтобы стать *иеродулами* [храмовыми рабынями – В.Н.] в Дельфах». Агенориды – дети и вообще потомки тирского царя Агенора (Ἀγηνόρ), сына Посейдона. Агенор основал стовратные Фивы, после чего удалился в Финикию, в один из её крупнейших и красивейших городов под названием Тир. Город находился на территории современного Ливана. Пирсон (с. 91): «Хор тирских девушек прибыл в Фивы, одну из стадий своей поездки в Дельфы, ожидая, чтобы хорошо к ним расположенный Этеокл, а также их родственники-кадмейцы отправили их дальше в дорогу». Пунктуация первой строфы вызывает споры и географические подробности морской поездки девушек не до конца выяснены. Мастронард достаточно подробно рассматривает этот вопрос на сс. 209-10. Хор говорит о самом себе в единственном числе. Перевод следует размеру оригинала.

<sup>80</sup> Локсий (Λοξίας), т.е. «Извилистый», «Запутанный (в своих вещаниях)» – культовое имя Аполлона.

<sup>81</sup> Пирсон (с. 91): «Тир был островом, соединённым с материком при помощи мола, который построил Александр [Македонский – В.Н.]. Там было две гавани».

<sup>82</sup> Чтобы стать храмовой служанкой (δοῦλα μελάθρων). Лукач (сс. 232-3): «Хор называет себя рабынями Локсия (Аполлона), wybranными среди народа за свою красоту. Вероятно, нам следует думать о них не как о рабынях, захваченных на войне, но как о свободных женщинах, служащих Аполлону какой-то установленный срок в благодарность Аполлону за некую милость, оказанную им Тиру».

<sup>83</sup> Парнас (Παρνασσός) – священная гора.

<sup>84</sup> Зефир (Ζέφυρος, «Западный») – ветер, по мнению древних, господствовавший в восточной части Средиземного моря. Здесь бог представлен либо скачущим на коне (ориг. «Ζεφύρου πνοαῖς ἰπλεύσαντος»), либо просто стремительно проносящимся по воздуху. В переводе выбрано первое толкование как более полно передающее образность глагола «ἰπλεύω». Если читатель предпочитает второе толкование, то он может заменить «скакал» на «летел».



сицилийской пучиною,  
музыку превосходную  
в небесах навевая.

Я всем городом выбрана  
в дар прекраснейший Локсию,  
в землю Кадма пришла я,  
отправленная сюда –  
башням Лая мы родственны,  
славный род Агенора.<sup>85</sup>  
Золотым изваянием  
стану Фебу прислуживать,<sup>86</sup>  
ключ Кастальский зовёт меня<sup>87</sup>  
вымыть пышные волосы,<sup>88</sup>  
роскошь девушки, прежде чем  
послужить в храме Феба.

О скала,<sup>89</sup> ярким пламенем  
двух вершин озаряешь ты  
танец дионисийский!<sup>90</sup>  
О лоза, ты льёшь каждый день  
капли сока, давая нам  
из цветка тяжкую гроздь!<sup>91</sup>  
Грот дракона божественный,<sup>92</sup>  
выси гор богоявные,<sup>93</sup>  
склон священный, заснеженный!<sup>94</sup>  
Полететь к хороводам бы

<sup>85</sup> Немного странно называть башни родственницами людей, но так в оригинале. Ср. перевод Ковача, который пытается обойти проблему при помощи абстрактного слова «akin»: «towers that are akin || to the glorious Agenoridae». Вероятно, слово «башни» (πύργοι) употребляется метафорически. Пирсон (с. 93): «Феникс, одноимённый предок финикийцев, и Кадм были сыновьями Агенора».

<sup>86</sup> Ещё одно странное сопоставление, живой служанки со статуей. Возможно, статуи «служат» Фебу тем, что выражают собой религиозные чувства тех, кто их посвятил. Подобным образом, каменный солдат «охраняет» какой-либо памятник. Пирсон (с. 93): «Она сравнивает себя с золотыми приношениями (ἀναθήματα), посвящёнными в храме».

<sup>87</sup> Эта строка слегка отличается по своему размеру от соответствующей строки в предыдущей строфе. См. Мастронард, с. 211. В переводе это отличие сохранено.

<sup>88</sup> Пирсон (с. 93): «Храмовые служители омывались в Кастальском источнике перед началом дневной службы богу».

<sup>89</sup> Скала (πέτρα) – здесь так называется гора Парнас. Можно заменить это слово на более привычное «гора».

<sup>90</sup> Ковач (с. 235): «Две вершины Парнаса, которые вздымаются над Дельфами, были сценой плясок в честь Диониса».

<sup>91</sup> Пирсон (с. 94): «На территории [святилища] Диониса находилась лоза, на которой каждый день появлялась и созревала гроздь винограда, достойного того, чтобы им совершались возлияния богу».

<sup>92</sup> Ковач (с. 235): «Корикийская пещера, жилище дракона Пифона [Πύθων – В.Н.], которого убил Аполлон». Эта пещера существует до сих пор.

<sup>93</sup> В оригинале – «οὐρεαὶ τε σκολιαὶ θεῶν», т.е. «и горные выси богов». Ковач переводит «богинь» («and mountain lookout of the goddesses»), считая, что имеются в виду нимфы, жившие в Корикийской пещере после гибели Пифона (с. 235). Мастронард (с. 221) высказывает мнение, что под «горными высями» имеется в виду то место, откуда Аполлон стрелял в Пифона, и добавляет: «Я не считаю, что с точки зрения поэзии стоит ограничивать <понятие> «θεῶν» [«богов» – В.Н.] корикийскими нимфами». Перевод следует точке зрения Мастронарда, тем более что сам текст не даёт оснований для исключения Аполлона.

<sup>94</sup> Гора Парнас.

для бога немеркнущего,<sup>95</sup>  
в центр земли,<sup>96</sup> к долам<sup>97</sup> Фебовым,  
смело Дирку покинув!<sup>98</sup>

А теперь под стенами  
встал Арэс неистовый,  
крови, бойни жажда.  
Да спасётся город ваш!  
У друзей боль общая,  
крепость семивратная  
делится страданием  
с Финикией. Боже мой!  
Кровь одна, одни потомки  
у Иó родились рогоносной,<sup>99</sup>  
вместе с ними стражду я!

Город в плотном облаке  
из щитов сверкающих,  
образ битвы яростной!<sup>100</sup>  
Даст Арэс, познав её,  
сыновьям Эдиповым  
зло Эриний<sup>101</sup> выстрадать.  
Аргос пеласгический,<sup>102</sup>  
мощи я боюсь твоей  
и богов! Не по неправде  
юноша<sup>103</sup> стремится в бой, желая  
дом отвоевать мечом!

<sup>95</sup> Аполлона, бога Солнца.

<sup>96</sup> Т.е. в Дельфы, где находился так называемый Пуп Земли, недалеко от храма Аполлона.

<sup>97</sup> Словом «долы» здесь переводится слово «γύαλα», которое означает также «выгнутая поверхность, углубление, впадина, ущелье, долина» и т.п. Мастронард (с. 223): «Дельфы расположены в углублении Парнаса, и, таким образом, это слово стало общим поэтическим обозначением храма Аполлона. Оно не даёт никаких оснований для более поздней фантазии о том, что была пещера или расселина в самом храме».

<sup>98</sup> В оригинале вся эта строфа-эпод состоит из одного предложения. Нахождение эпода посередине, т.е. между двумя парами строф-антистроф необычно, потому что эпод традиционно является заключительной строфой хоровой партии. На этом основании делались выводы о не принадлежности второй строфы и антистрофы Еврипиду. Мастронард (с. 223) считает все доводы неубедительными, а содержание текста и его язык/ритм – «необходимым» и «полностью еврипидовским».

<sup>99</sup> Ковач (с. 237): «Ио, дочь речного бога Инаха, стала объектом любви Зевса, который превратил её в телицу, чтобы скрыть от своей жены Геры. Она [Ио – В.Н.] стала матерью Эпафа, предка и тирцев, и аргиев. Она связана не только с Фивами, но и с греческим народом в целом».

<sup>100</sup> Эта строка сохранилась в двух вариантах (по разным рукописям): «σχημα φοινίου μάχης» («образ кровавой битвы») и «σημα φοινίου μάχης» («знак [надвигающейся] кровавой битвы»). Предпочтения комментаторов здесь разделяются. Например, Ковач и Диггл выбирают второй вариант, Мастронард же, Пирсон и Пауэлл – первый. Пирсон (с. 95) называет слово «σχημα» «совершенно еврипидовским» («thoroughly Euripidean»), «обозначающим чувственное изображение объекта», и предостерегает против его замены. Для Пауэлла превосходство слова «σχημα» настолько очевидно, что он даже не снабжает это место комментарием. Мне тоже кажется, что «σχημα» объёмнее, интереснее, чем бледноватое «σημα». Однако для тех, кто думает иначе, предлагаются следующие варианты перевода: «знак сраженья лютого» (замените «её» на «его» в следующей строке) или «признак битвы яростной».

<sup>101</sup> Эринии (Ερινύες) – богини мести.

<sup>102</sup> Пеласги (Πελασγοί) – народ, населявший территорию Греции в древнейшие времена.

<sup>103</sup> Полиник. Слово «παις» («сын, ребёнок», иногда «юноша») считается подложным.

## ПОЛИНИК

Засовы стражников легко меня впустили,  
я беспрепятственно в кольцо стены вошёл.  
Признаюсь, я боюсь. Поймав добычу в сети,  
дадут ли ей уйти, не проливая кровь?  
Быть надо начеку, во всё вперяться взглядом,  
туда-сюда смотреть, предчувствовать подвох.  
Вот этот крепкий меч, рукой моею сжатый,  
поможет удержать дух воина во мне.<sup>104</sup>  
Эй, кто там! Что за шум? Чего я так пугаюсь?  
Всё страшным кажется, когда своей ногой  
ступают смельчаки по вражеским пределам.  
Я верю матери, и я не верю ей,  
она звала меня, манила перемирьем.  
Защита, впрочем, есть (тут жертвенник-алтарь  
стоит недалеко<sup>105</sup>) и в доме не безлюдно.<sup>106</sup>  
Я в недра тёмные<sup>107</sup> вложу пока свой меч  
и женщин расспрошу, стоящих возле двери.  
Иноплеменницы!<sup>108</sup> Скажите, из какой  
в дом этот эллинский вы прибыли отчизны?  
Хор Я финикиянка.<sup>109</sup> Там город мой и дом.  
Я Фебу послана семейством Агенора,  
как наилучший дар за воинский успех.  
Когда меня собирал преславный сын Эдипов  
к святыням Локсия, к тем вещим алтарям,  
аргивцы вдруг пошли на город ваш войною.  
Но назовись и ты. Приехал ты зачем  
в страну фиванскую, к твердыне семиустной?<sup>110</sup>  
Пол. Отец мой – царь Эдип, сын Лая. Мать моя –

<sup>104</sup> Из этих слов следует, что Полиник – не Аякс и не Ахилл. Впрочем, у него есть все причины опасаться за свою жизнь, потому что ситуация более чем странная. Впустить главнокомандующего осаждающей армии в город одного, не встретив его у ворот, позволить ему просто так бродить по пустому городу – всё это действительно пахнет засадой.

<sup>105</sup> В Древней Греции человек, которому грозила опасность, мог припасть к алтарю и, таким образом, оказаться под защитой божества. Убийство или ранение просителя, пока тот находился у алтаря, считалось тяжким преступлением. Однако это не всегда помогало. Один из самых знаменитых примеров нарушения этого обычая – убийство троянского царя Приама сыном Ахилла, Неоптолемом, когда царь прибегнул к защите алтаря Зевса. Мастронард (с. 228): «Это упоминание [алтаря – В.Н.], возможно, подразумевает то, что сценический алтарь (вероятно, находившийся либо перед дверью, либо сбоку от неё) был стандартным объектом декорации дворца, даже в тех пьесах, в которых он не используется для убежища или жертвоприношения».

<sup>106</sup> Мастронард (с. 228): Теперь, наконец, Пол[иник] замечает женщин-участниц хора. Они, конечно, никоим образом не были скрыты от него раньше, однако, согласно условности, воображалось, будто он движется и говорит в таком пространстве, где он ещё не видит их, а они не слышат его (они слышат его только после того, как он обращается к ним)».

<sup>107</sup> Т.е. в ножны. Один из примеров еврипидовского маньеризма. В оригинале – «ἐς σκοτεινὰς περιβολὰς».

<sup>108</sup> Мастронард (с. 228): «Пол[иник] не приводит никакой причины своего предположения, что эти женщины – не гречанки. Из этого мы можем заключить, что костюмы хористок выглядели экзотично и что предположение Пол[иника], таким образом, казалось аудитории совершенно естественным».

<sup>109</sup> Полиник, по всей вероятности, разговаривает с корифеем, предводителем Хора. Этим объясняется то, что Хор говорит о себе в единственном числе.

<sup>110</sup> В оригинале – «ἐπτάστομον πύργωμα». Означает то же самое, что и «семивратной». В переводе Анненского: «семивратный град».

Хор                    дочь Менекеева, царица Иокаста.  
 В фиванском племени мне имя – Полиник.  
 Любезный родственник потомков Агенора,  
 властителей моих, пославших в путь меня!<sup>111</sup>  
 Стою, господин, на коленях я,<sup>112</sup>  
 отчизны чествуя обычай!  
 Пришёл, наконец, в край ты родной!  
 Госпожа! Бегом, госпожа!<sup>113</sup>  
 Врата распахни!  
 Мать юноши этого, ты слышишь?  
 Что медлишь? Зачем из комнат нейдёшь,  
 чтоб сына принять в объятия?

Иок.                    Финикиянок<sup>114</sup>  
 я слышала крик<sup>115</sup> и шаткой стопой  
 из дома вышла, старая.  
 Сыночек милый, сколько дней  
 прошло с тех пор, как я тебя  
 видала! Обними же мать,  
 скорей прижмись к моей груди!  
 Дай к локонам твоим, щекам  
 припасть! Пусть шею затенят  
 мне кудри твои тёмноцветные!<sup>116</sup>  
 Ах, как же долго ты не шёл  
 в объятия матери, уставшей ждать, гадать!  
 Что молвить? Как всем телом,  
 руками ли, словами,  
 разными движеньями  
 в ту сторону и эту,

<sup>111</sup> Эта строка и предыдущая в некоторых изданиях помечены как подложные.

<sup>112</sup> Вероятно, предыдущие две строки произносит Корифей, а с этой строки начинает петь весь Хор (Мастронард, с. 232).

<sup>113</sup> Хор зовёт Иокасту, вставая (как считает Ковач) с колен. Пауэлл (с. 164) считает, что слово «бегом» («τρόδρομος») «недостаточно уважительно при обращении к царице». В некоторых рукописях сохранился вариант «τρόδομος», т.е. иди «к передней части дома» или, в более вольном переводе, «к дверям». Этот вариант и предпочитают многие комментаторы. Ещё один аргумент, который они приводят, это что Иокаста стара и бегать уже не может, о чём она сама вскоре скажет (собираясь, впрочем, плясать от радости). Эти доводы не представляются мне достаточно убедительными. Во-первых, юные финикиянки, только что прибывшие в Фивы, не обязательно знают о точном возрасте и состоянии коленных суставов Иокасты. Во-вторых, повстречав на улице царевича, юные девушки могут совершенно позабыть об этикете и, спеша сообщить царице эту потрясающую новость, крикнуть ей, чтобы она скорей бежала сюда, будто она – их подруга. И, в-третьих, Хор уже просил её выйти «из-под крова», теперь приглашает встать «у дверей», а потом ещё попросит «распахнуть ворота». В этом есть некая избыточность, тогда как «бегом» передаёт чувство драмы, возбуждения. Впрочем, вот вариант для тех, кто всё-таки предпочитает «τρόδομος»: «Госпожа! Сюда, госпожа!» (Хор стоит у дверей дворца).

<sup>114</sup> Первые три строки речи Иокасты плохо сохранились, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

<sup>115</sup> Высказывалось мнение, что финикиянки поют с иностранным акцентом, который улавливает Иокаста. Если это и так, то актёры во время постановки наверняка никакому акценту не подражали, а пели на привычном слушателям аттическом диалекте (см. Мастронард, с. 237; Пирсон, с. 98).

<sup>116</sup> Эта строфа написана манерным, избыточным языком, нередко встречающимся у Еврипида. Мастронард (с. 239) считает, что слово «тёмноцветный» («κυανόχρως») – авторское изобретение. Ср. не вполне точный, но красивый перевод Анненского: «Обними, Полиник, ты кормилицу-грудь || И, щекою к лицу прижимаясь, || Темнокудрой волною волос || Шею матери нежно обвей.»

танцем вокруг тебя счастье воскресшее выразить?<sup>117</sup>  
 Сыночек мой!  
 Оставил ты дом отцовский пустым,  
 изгнал тебя прочь бессовестный брат!  
 Тошно друзьям твоим,  
 тошно и Фивам всем,  
 а я седину остригла свою,  
 в тоскливых слезах её омочив,  
 и не в белом отныне хожу я, сынок,<sup>118</sup>  
 но чёрный, как скорбь, изношенный плащ  
 на теле ношу!  
 А в комнате старик, утративший глаза,  
 горюет о том, что пара детей  
 от дома совсем  
 отпряглась,<sup>119</sup> и обильные слёзы он льёт,  
 и то бросается к мечу,  
 чтоб самого себя убить,  
 то к балкам тянется с петлёй,  
 плача по детям!  
 Так прячется он, стеною, скорбя  
 во мраке своём!  
 А ты, сынок, слышу я, женат уже  
 и в брачных узах счастье стать отцом  
 познал, живя в чужой стране  
 и выбрав родичей чужих,  
 о чём и мать твоя скорбит,  
 и стародавний Лаев род.  
 Проклятье чуждых браков!<sup>120</sup>  
 А я не зажгла законный огонь  
 на свадьбе твоей,<sup>121</sup>  
 как должна счастливая мать!  
 Без гимнов Исмен твой брак заключил,  
 без роскоши ванн,<sup>122</sup> и в Фивах, когда

<sup>117</sup> Пирсон (с. 100) говорит об этом образе старой Иокасты, танцующей вокруг сына, что «странность [этого образа – В.Н.], ощущаемая нами, показывает, насколько далеко наше эстетическое чувство отстоит от [эстетического чувства – В.Н.] греков, для которых танец являлся прекрасным выражением эмоциональных переживаний».

<sup>118</sup> Эта строка иногда помечается как подложная.

<sup>119</sup> Это один из излюбленных приёмов Еврипида – сравнивать семейные или любовные узы с упряжью, а людей с тягловыми животными. Здесь братья Этеокл и Полиник, видимо, сравниваются с парой молодых бычков, отпрягшихся от своей тележки, т.е. родного дома.

<sup>120</sup> Пирсон (с. 102): «Неприязнь к браку с иноземцем является традиционным страхом эндогамного племени, которому иноземцы известны, в основном, как враги. Следовательно, брак с иноземцем всегда требует специального оправдания <...>. Иокаста сама была предложена в качестве супруги иностранцу, в надежде избавиться от народного бедствия».

<sup>121</sup> Слова «на свадьбе (твоей)» («ἐν γάμοις») иногда обозначаются как подложные. Ковач (с. 245): «Во время греческой брачной церемонии мать жениха держала факелы и также <...> готовила ритуальную ванну для своего сына».

<sup>122</sup> Трудный пассаж. Вероятно, Исмен (река, божество мужского пола) являлся сватом Полиника, но, поскольку брак был заключён вдали от Исмена, то река не смогла дать новобрачным свою воду для традиционных омовений. Свадебных гимнов тоже не пелось, потому что фиванцев не было на церемонии. Очевидно, гимны чужеземцев Хор в расчёт не принимает.

невеста вошла, была тишина.<sup>123</sup>  
 Будь проклят, кто в этом повинен,  
 меч то, Эриния<sup>124</sup> или родитель твой,  
 или какой небожитель, сметающий  
 этот Эдипов дворец!  
 Томит меня скорбь от бедствий таких!

- Хор            Боль родов действует на женщин очень сильно  
 и понуждает их любить своё потомство!
- Пол.            Благоразумно, мать, и не благоразумно<sup>125</sup>  
 пришёл я к недругам, но всякий угнетён  
 тоской по родине. Кто скажет по-иному,  
 тот просто любит спор, но думает, как я.  
 Сжимается душа, я весь дрожу при мысли,<sup>126</sup>  
 что некой хитростью меня погубит брат,  
 поэтому с мечом по городу брожу я  
 и головой верчу. Поддержка мне одна –  
 наш мирный договор и то, что ты клялась мне,<sup>127</sup>  
 поэтому я здесь, в кольце отцовых стен.  
 Сквозь слёзы вижу дом и алтари бессмертных,  
 гимнасий мой родной, и Дирка вон течёт...  
 Обманно их лишён, в чужой стране живу я,  
 потоки горьких слёз туманят мне глаза.  
 Но боль сменяет боль, когда тебя встречаю  
 остригшей волосы, надевшей чёрный плащ.  
 Как мне мучительно нести такое горе  
 и как ужасно, мать, к родным питать вражду!  
 Нет разрешения семейному раздору.<sup>128</sup>  
 Что в доме делает седой родитель мой,  
 сверля глазами мрак? А две сестры? Наверно,  
 всё об изгнаннике, страдалицы, скорбят?<sup>129</sup>
- Иок.            Нещадно некий бог семью Эдипа губит.  
 Вот первый шаг его:<sup>130</sup> преступна я, как мать,  
 отец твой, как мой муж, а ты, как плод нечестья.<sup>131</sup>

<sup>123</sup> Обычно появление невесты сопровождалось приветственными криками.

<sup>124</sup> Эриния (Ἐρινύς) – богиня мести.

<sup>125</sup> φρονῶν εἶ καὶ κοῦ φρονῶν: противопоставление противоположностей – типичный еврипидовский маньеризм, за который его пародировал Аристофан в комедии «Ахарняне» (Ἀχαρνεῖς, 425 г. до н.э.): «ἔνδον ἔστ' Εὐριπίδης; || οὐκ ἔνδον ἔστίν, εἰ γνῶμην ἔχεις», т.е. «Дома ли Еврипид? || И не дома, и дома, если ты понимаешь (мой намёк)».

<sup>126</sup> Эта строчка, вероятно, повреждена. В оригинале: «οὐτῶ δ' ἐτάρβουν ἐς φόβον τ' ἀφικόμην», т.е. «но я так боюсь, и дошёл до такого ужаса». В переводе предпринята попытка несколько разбавить эту тавтологию.

<sup>127</sup> Пирсон (с. 103): «Это не столько две вещи, сколько одна: его уверенность в матери заставила его принять уверения в личной безопасности».

<sup>128</sup> Проблематичная строка, возможно, не принадлежащая Еврипиду. Смысл восстанавливается по контексту.

<sup>129</sup> Эта строка и три предыдущие могут быть более поздней вставкой.

<sup>130</sup> Эти незаконные дела были только началом божественного притеснения. Раздор между братьями, изгнание Полиника и начавшаяся война являются продолжением.

<sup>131</sup> Иокаста упоминает уже известные читателю преступления: Полиник был зачат и рождён вопреки воле Аполлона (правда, бог прямо не запрещал Лаю иметь детей, но лишь предупредил, что тот умрёт от руки

- Что делать! Все должны дела богов терпеть.  
Хочу тебя спросить. Боюсь я, что под сердцем  
почувствуешь ты боль, но жжёт меня вопрос!
- Пол. Тогда и задавай. Не сдерживай ни слова.  
Чего ты хочешь, мать, то дорого и мне.
- Иок. Сначала я спрошу о вещи самой главной.<sup>132</sup>  
Как жить без родины? Большое это зло?
- Пол. Неимоверное. Любых рассказов хуже!
- Иок. Каким же образом? Что изгнанных гнетёт?
- Пол. Одно сильнее всего – там нет свободы слова.<sup>133</sup>
- Иок. Таков удел раба – себя не выражать.
- Пол. Ещё и потакать властям недалёковидным.
- Иок. Да, это тяжело – глупеть среди глупцов.
- Пол. Чтоб как-то выгадать, раба изображаешь.
- Иок. Изгнанник, говорят, надеждами живёт.
- Пол. Глаза их светятся, а ноги что-то медлят.<sup>134</sup>
- Иок. Не учит ли вся жизнь, что суть надежд пуста?
- Пол. В них Афродита есть, вот мы и любим горе.<sup>135</sup>
- Иок. А как ты выживал до брака своего?
- Пол. Сегодня перебьюсь, а завтра голодаю.
- Иок. А что, друзья отца<sup>136</sup> тебе не помогли?
- Пол. В достатке надо жить. Друзья бегут от нищих.
- Иок. И знатностью своей ты не был вознесён?
- Пол. Ад нищенства глубок, а знатность несъедобна.
- Иок. Да, смертным родина желаннее всего.
- Пол. Насколько это так, не выразить словами!
- Иок. Как в Аргос ты попал? Чего ты там хотел?<sup>137</sup>
- Пол. Оракул как-то был от Локсия Адрасту.
- Иок. Какой? Что ты сказал? Не знаю ничего!
- Пол. Что дочери его за льва и вепря выйдут.<sup>138</sup>
- Иок. Как эти звери, сын, относятся к тебе?

---

своего сына – Лай пренебрёг предупреждением бога и этим нанёс ему оскорбление), Эдип же взял в супруги собственную мать.

<sup>132</sup> Эта строчка иногда объявляется подложной. Мастронард (с. 258) убедительно возражает против этого. По его мнению, постепенный переход в стихомифию лучше, чем её внезапное начало.

<sup>133</sup> Пирсон (с. 105): «Свобода слова была главной особенностью [жизни – В.Н.] афинского гражданина». Это был один из главнейших аргументов в спорах о преимуществе жизни греков по сравнению с обычаями варваров. Ясон прибегает к нему в споре с Медеей.

<sup>134</sup> Здесь надежды персонифицируются. Другими словами, надежды манят человека радужными мыслями, которые не торопятся реализоваться.

<sup>135</sup> Довольно трудная строка. Афродитой здесь называется неодолимое влечение к жизненным невзгодам, которое возникает в человеке, не желающем терять свои надежды. Надежды и невзгоды оказываются настолько переплетёнными друг с другом, что их уже невозможно разделить. Вот и получается, что любовь к надеждам автоматически переливается и на невзгоды. С другой стороны, человек боится завершения невзгод, чтобы вместе с ними не пропали и надежды.

<sup>136</sup> Т.е. семьи, с которыми у семьи Эдипа установились обязательства по взаимопомощи. В Древней Греции существовали целые сети таких семей, оказывающих друг другу поддержку.

<sup>137</sup> Следующие шесть строк в некоторых изданиях переставляются местами, потому что некоторые исследователи считают, что порядок их был нарушен. Не все с этим согласны (см. Мастронард, с. 264). В переводе сохранён оригинальный порядок строк.

<sup>138</sup> Мастронард (с. 265) пишет, что во всей пьесе «нет и намёка на то, какой герой соотносится с каким зверем». Адраст «признаёт уместность оракула из-за конфликта между Пол[иником] и Тидеем, а не из-за каких-либо эмблем, носимых ими».

- Пол. Не знаю. Некий дух<sup>139</sup> судьбу мою направил.  
 Иок. Бог полон мудрости. А как женился ты?  
 Пол. Стемнело. Я вошёл во внешний двор<sup>140</sup> Адраста.  
 Иок. Чтоб ночь там провести со скопищем бродяг?<sup>141</sup>  
 Пол. Всё верно. А потом пришёл другой изгнанник.  
 Иок. Какой? Наверное, и он хлебнул беды!  
 Пол. Тидей, Энея сын, как мне потом сказали.  
 Иок. А почему к зверям Адраст вас приравнял?  
 Пол. Мы драку начали, не поделив циновку.  
 Иок. Тогда Талаев сын<sup>142</sup> оракул и постиг?  
 Пол. Всё так. И отдал нам двух дочерей в супруги.  
 Иок. А со своей женой ты счастлив или нет?  
 Пол. До нынешнего дня мой брак был безупречен.  
 Иок. Но как ты армию сумел увлечь в поход?  
 Пол. Ты видишь ли, Адраст поклялся нам с Тидеем,  
 своим зятьям двоим, Тидей ведь мне свояк,  
 домой нас возвратить, и мне помочь сначала.  
 Здесь многие вожди оказывают мне  
 услугу скорбную, данайцы и микенцы,  
 но я нуждаюсь в ней, на родину напав.  
 Клянусь бессмертными: я поднял неохотно  
 копьё на милый дом, желающий войны!  
 Зависит от тебя развязка этих бедствий.  
 Ты, мама, помири своих же сыновей,<sup>143</sup>  
 спаси себя, меня, избавь от зла весь город!  
 Избита<sup>144</sup> эта мысль, но я её скажу:<sup>145</sup>  
 лишь деньги этот мир считает высшим благом,  
 они сильнее всего, что есть среди людей.  
 За этим я пришёл с десятком тысяч копий.  
 Будь ты знатнее всех, без денег ты ничто.<sup>146</sup>  
 Хор А вот и Этеокл идёт вступить в беседу!  
 Что ж, Иокаста-мать! Тут дело за тобой!  
 Поговори с детьми, добейся примиренья!

<sup>139</sup> В оригинале – «δαίμων». Можно перевести «некий бог» или «божество», но в следующей строке уже есть слово «бог», поэтому будет нежелательный повтор. Я оставляю решение за читателем. Здесь имеется в виду либо сам Аполлон, либо некий бог-покровитель судьбы, провидение (см. Мастронард, с. 266).

<sup>140</sup> В оригинале – «παραστάς», т.е. «внешний двор, портик» и т.п. Видимо, это двор у входа во дворец, окружённый крытой колоннадой. Очевидно, там проводили ночь бездомные, которых из милости не прогоняли. Далее будет видно, что для них даже оставляли циновки.

<sup>141</sup> Вероятно, обычай пускать бездомных на ночь существовал и в Фивах, поскольку Иокаста, никогда не бывавшая в Аргосе, сразу делает правильную догадку.

<sup>142</sup> Адраст был сыном Талая (Ταλαός), одного из аргонавтов.

<sup>143</sup> В некоторых изданиях эта строка объявляется подложной.

<sup>144</sup> Это удачное слово заимствовано у Анненского: «Я истиной избитой заключу || Мои слова».

<sup>145</sup> Этот отрывок (отсюда и до конца речи Полиника, т.е. пять строк) некоторые комментаторы считают более поздней вставкой. Впрочем, завершение речи героя на некоторой обобщающей, даже морализаторской ноте весьма характерно для Еврипида.

<sup>146</sup> Буквальный вариант перевода: «Без денег знатный муж не стоит ничего.»



ЭТЕОКЛ<sup>147</sup>

Я здесь. Пришёл я, мать, по твоему желанью.  
 Ну что ж? Пусть кто-нибудь беседу начинает.<sup>148</sup>  
 Я прекратил вдоль стен и у зубцов двукрылых  
 народ выстраивать,<sup>149</sup> чтоб нам дела обдумать.  
 Я перемирием пошёл тебе навстречу  
 и мужу этому войти позволил в город.

Иок. Постой! Поспешности не знает справедливость,  
 а медленная речь к делам приводит мудрым.  
 Смири свой злобный взгляд и гневное дыханье!  
 Не отсечённую ты голову Горгоны,<sup>150</sup>  
 но брата своего перед собою видишь!  
 Ты тоже повернись и посмотри на брата,  
 давай же, Полинник! Вам, встретившись глазами,  
 не только говорить, но слушать будет проще.<sup>151</sup>  
 Обоим вам совет хочу я дать разумный:  
 когда рассердится на друга друг, потом же  
 с ним повстречается, в глаза ему посмотрит,  
 то думать надобно лишь о причине встречи,  
 а дрязги прошлые не помнить совершенно.  
 Ты, сын мой Полинник, начни беседу первым,  
 ведь это ты привёл к нам армию данайцев.  
 Обижен ты, твердишь. Пусть некий бог рассудит  
 все эти бедствия и вам судьёю станет!

Пол. Бесхитростны слова на языке у правды,  
 законны доводы, не вспенены витийством,  
 вся ценность в ней самой. А речь несправедливых  
 недужна внутренне, и ей лекарство – мудрость.  
 Покинув дом отца, я проявил заботу  
 о брате и себе, чтоб избежать проклятий,  
 которые Эдип на нас призвал однажды.  
 Уехал из страны я сам, по доброй воле,

<sup>147</sup> Мастронард (с. 273) считает, что Этеокл появляется в сопровождении двух слуг.

<sup>148</sup> Этеокл даже не здоровается со своим братом, показывая ему таким образом своё презрение. Начинается так называемый «агон», т.е. словесное состязание между персонажами, где каждому даётся возможность высказать свою точку зрения. В трагедиях Еврипида герои редко перебивают друг друга (за исключением финальной стадии агона, когда спор накаляется). Следует сказать, что цель агона – не разрешение конфликта, но раскрытие для слушателей основной проблемы трагедии, взгляд на проблему с разных точек зрения. Подобно современным американцам, древние греки получали огромное наслаждение от всяческих прений и разбирательств, и древнегреческая трагедия отражает эту их национальную черту.

<sup>149</sup> Не вполне понятное место. Сохранившийся текст выглядит так: «ὡς ἀμφὶ τείχῃ καὶ ξυνορίδας λόχων ἢ τάσσω ἐλέσχω πόλιν», т.е. «вокруг стен и (их) парных разделов (?) [и Ковач, и Мастронард переводят таинственно – «paired divisions»] я приостановил расстановку граждан». Текст явно испорчен, поэтому смысл восстанавливается приблизительно. Этеокл расставляет боеспособных граждан на стенах, что передаёт обстановку тревожного ожидания, царящего в городе. Таинственные «парные разделы» – это, возможно, сдвоенные зубцы стен. Предлагались и другие толкования этого места, поэтому я не настаиваю на такой интерпретации. Анненский, по своему обыкновению, обходит это трудное место стороной: «Там, у ворот, свои войска повзводно || Располагать я начал...»

<sup>150</sup> Горго́на Медуза (Γοργώ Μέδουσα) – одна из трёх сестёр-горгон и единственная из них смертная. Чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Её взгляд обращал человека в камень. Убита героем Персеем, который отсек ей голову мечом. Впрочем, даже после смерти взгляд Медузы сохранил своё ужасное свойство.

<sup>151</sup> Здесь при постановке можно сделать красивый поворот масок друг к другу.

дав мужу этому бразды правленья на год,  
а после очередь и мне была тут править,  
а не тягаться с ним, не приходить во гневе,  
терпеть и делать зло, что ныне и случилось.<sup>152</sup>

Он согласился ведь, богами даже клялся,  
но слово не сдержал и трон себе присвоил,  
единовластие скрепив моею долей.

Однако я готов, приняв моё наследство,  
из края этого домой отправить войско  
и, нашею страной такой же срок поправив,  
отдать её потом стоящему здесь мужу,  
не грабя родину, не осаждая башни,  
влача к ним лестницы, сколоченные крепко.  
Не получив своё, я ведь пойду на это!

Пусть мне бессмертные свидетелями станут:  
я правдой действую, не получая правды,  
лишённый родины преступнейшим обманом!

Вот, мама. Я сказал, не мудрствуя лукаво,  
по делу, всё как есть. Сообразит, надеюсь,  
и умник, и простак, за кем тут справедливость.

Хор Мне, право, кажется, хоть я и не в Элладе  
была воспитана, что говорил ты веско!

Эт. Когда бы все сошлись в понятии о благе  
и здравомыслии, то не было бы споров.  
Мы, люди, схожие даём вещам названья,  
но действия вещей по-разному мы видим.  
Я, мать, про всё скажу и ничего не скрою.  
Я к звёздам бы взлетел, в эфире восходящим,<sup>153</sup>

под землю бы сошёл, когда б хватило силы,  
чтоб Тиранию взять, главнейшую богиню!

И благо это, мать, я ни за что не стану  
другому отдавать, но всё себе оставляю.

Лишь малодушные удел сменяют больший  
на меньший. Сверх того, меня тошнит при мысли,  
что этот вот боец, придя с мечом нас грабить,  
добьётся своего! Грозит позор и Фивам,  
когда я пред копьем затрепещу микенским<sup>154</sup>

и скипетр выроню, а тот его поднимет.

Не надо было, мать, при помощи оружия  
искать согласия. Решить всё можно словом  
не безуспешнее, чем вражеским железом.

Что ж, если хочет он жить дома по-иному,  
пускай. Но не отдам свой трон я добровольно.

Неужто мне, царю, в рабы ему податься?<sup>155</sup>

<sup>152</sup> Эта строка и две предыдущие считаются подложными.

<sup>153</sup> Эта строка дошла в испорченном виде, однако византийский писатель-компилятор V века Стобей сохранил её. Впрочем, строка до сих пор вызывает споры, и окончательный её текст так и не установлен. Вот альтернативный вариант: «Я к звёздам бы взлетел, к поднявшемуся (или: проснувшемуся) солнцу».

<sup>154</sup> Ковач (с. 263): «Микены служат фактическим синонимом Аргосу в греческой трагедии».

Нет-нет, пылай, огонь! Мечи, долой из ножен!  
 Узду на лошадей! Все в поле, колесницы!  
 Вы знайте, что мой трон ему я не оставлю!  
 Когда без подлости не завладеешь властью,  
 стань лучше подлецом, а в остальном будь честным.<sup>156</sup>

Хор Не нужно петь хвалу поступкам неприглядным,  
 всё это мерзостно и горестно для правды!

Иок. Ах, сын мой Этеокл, не всем ущербна старость,  
 есть опыт у неё, который по сравненью  
 с незрелой юностью мудрее рассуждает.  
 Зачем Тщеславности, негоднейшей богине,  
 кадишь ты, сын? Оставь! Она несправедлива,  
 беду она несёт и городам, и семьям,  
 войдёт в счастливый дом, а выйдет из развалин!  
 Ты ею помрачён. Ты лучше Соразмерность,<sup>157</sup>  
 сыночек, почитай! Она друзей с друзьями,  
 и город с городом, и род с достойным родом  
 связует. Для людей что мерно, то законно,  
 тогда как меньшее всегда враждует с бóльшим  
 и что ни божий день, то бойню начинает.  
 От Соразмерности идёт порядок чисел,  
 несветлый глаз ночной<sup>158</sup> сменяет светоч солнца,<sup>159</sup>  
 скользя своим путём по циклу годовому,  
 без всякой зависти к тому, кто побеждает.  
 Когда и день, и ночь так дружно служат смертным,  
 ты ль не поделишься своею властью с братом,  
 не дашь ему взойти? Где в этом правосудье?<sup>160</sup>  
 Несправедливости счастливой, тирании,<sup>161</sup>  
 зачем же кланяться и чтить её сверх меры?  
 Зачем быть на виду? Бессмысленно всё это!  
 Ты хочешь маяться, набив свой дом деньгами?  
 В чём «большой твой удел»?<sup>162</sup> Название пустое!  
 Разумный человек достаточным доволен.

<sup>155</sup> Эта строка иногда удаляется как подложная. Действительно, она содержит сильное преувеличение. Этеоклу никак не грозит стать простым рабом. Мастронард (с. 296), впрочем, пишет, что «упрощённое противопоставление господства и рабства, без всякого компромисса, характерно для греческой политической мысли в пятом веке [до н.э. – В.Н.]». Этеокл возбуждён, он защищает свои права (как он их понимает), поэтому нет ничего необычного в том, что он в пылу спора преувеличивает. Более того, любое положение, после того как он побыл царём, может казаться ему рабством.

<sup>156</sup> Знаменитые строки. Их перевёл на латынь Цицерон и часто повторял Цезарь.

<sup>157</sup> В оригинале снова богиня-женщина – «Ἰσότητα». У Анненского средний род – «Равенство».

<sup>158</sup> В оригинале – «νυκτός τ' ἀφεγγές βλέφαρον». Многие ошибочно думают, что это луна. Еврипид, однако, имеет в виду «ночь с её темнотой, которая ни сама не видит, ни помогает людям видеть» (Мастронард, с. 304). И Пирсон (с. 118), и Пауэлл (с. 175) высказывают то же самое мнение.

<sup>159</sup> Двойственность значения (кто кого сменяет) сохранена в этой строке намеренно, потому что ночь и день движутся по кругу, без начала и конца.

<sup>160</sup> Эта строка иногда считается подложной. Для этого меняются знаки препинания, чтобы отрезать её от следующей за ней строки.

<sup>161</sup> В оригинале яркий оксímорон (сочетание слов с противоположным значением) – «τὴν τυραννίδ', ἀδικίαν εὐδαιμόνα», т.е. «тиранию, несправедливость счастливую».

<sup>162</sup> Иокаста бросает обратно Этеоклу ранее сказанные им слова: «Лишь малодушные удел сменяют больший || на меньший.»

Не люди – небеса богатством обладают,  
 мы лишь заботимся об их вещах до срока.  
 Что надобно богам, они берут обратно,  
 а роскошь призрачна и не даёт опоры.<sup>163</sup>  
 Ну ладно. Выбирай одно из двух желаний.  
 Что хочешь ты? Царить? Спасти любимый город?  
 Ты скажешь, что царить? А вдруг ты проиграешь?  
 А вдруг аргивский меч копьё кадмейцев сломит?  
 Тогда увидишь ты свой город, Фивы, взятым,  
 увидишь девушек, во множестве пленённых  
 и уводимых прочь терпеть насилье вражье!<sup>164</sup>  
 Как разорительно для Фив твоё богатство,  
 манящее тебя, такого честолюбца!<sup>165</sup>  
 Вот речь моя тебе. Скажу и Полинику.  
 Адраст бездумную тебе являет милость  
 и ты, не рассудив, пришёл наш город грабить.  
 Допустим, не дай бог, ты занял эту землю,  
 что за трофей, скажи, ты установишь Зевсу?<sup>166</sup>  
 Как жертву ты начнёшь,<sup>167</sup> родной страны захватчик,  
 и как ты посветишь дары у струй Ина́ха?<sup>168</sup>  
 «Фиванский град спалив, щиты приносит эти  
 бессмертным Полиник?» Пусть никогда, сыночек,  
 такой среди эллинов ты не получишь славы!  
 А вдруг не справишься, и он вас одолеет,  
 как в Аргос ты пойдёшь, оставив груды мёртвых?  
 Там скажет кто-нибудь:<sup>169</sup> «Ты гиблые помолвки,<sup>170</sup>  
 Адраст, нам навязал! Из-за одной невесты  
 пропали мы!» Сынок! Ты ловишь зло двойное,  
 и там всё пропадёт, и здесь не совершится.<sup>171</sup>  
 Смирите вашу прыть, смирите! Два безумства  
 всегда встречаются к беде наигорчайшей!  
 О боги, смилуйтесь и отведите горе,  
 сынам Эдиповым пошлите примиренье!

Хор

<sup>163</sup> Эта строка и три предыдущие считаются подложными.

<sup>164</sup> Эта строка и две предыдущие считаются подложными.

<sup>165</sup> Эта строка иногда объявляется подложной, без веских оснований. См. её защиту Мастронарда (с. 314-5). В переводе эта строка и предыдущая взаимодействуют в большей степени, чем в оригинале. Оригинал дословно можно перевести так: «Разорительным богатство, которое ты хочешь иметь, || станет для Фив, ты ведь честолюбец».

<sup>166</sup> Имеется в виду памятник в честь победы над врагом. Слово «трофей» происходит от древнегреческого слова «τροφή», т.е. «поворот, обращение врагов в бегство».

<sup>167</sup> В начале жертвоприношения либо сам царь, либо жрец обрызгивал жертвенное животное водой, посыпал его ячменём и срезал с головы животного немного шерсти. Всё остальное делали подчинённые.

<sup>168</sup> Т.е. в Аргосе. Мастронард (с. 317): «Благодарственные приношения совершаются в храмах местных богов, которые, как считается, помогают армии граждан, даже когда она сражается в чужих пределах». Ина́х (Ἰναχός) – речной бог и сама река в Аргосе.

<sup>169</sup> Мастронард (с. 317): «Иок[аста] играет на том обстоятельстве, что Пол[иник] традиционно [т.е. как и положено античному герою – В.Н.] чувствителен к тому, что о нём думают другие».

<sup>170</sup> Читатель помнит, что было две помолвки, а затем две свадьбы – Полиника и Тидея. Оба женились на дочерях Адраста.

<sup>171</sup> Т.е. в случае твоего поражения аргосцы станут тебе врагами, а если ты победишь, то навредишь собственной стране.

- Эт.<sup>172</sup> Мать, закончим эти споры, прекратим впустую тратить нам оставшееся время! Ты усердствуешь напрасно. Мы согласия достигнем только на моих условиях: чтобы мне остался скипетр и правление государством, и уволь меня от этих затяжных увещаний!
- Ну а ты иди за стены – или жизнь твою отнимут!<sup>173</sup>
- Пол. Кто же? Кто неуязвимый? Пусть попробует, мне в тело меч убийственный вонзая, избежать такой же смерти!
- Эт. Он-то здесь, неподалёку. Что ты мне на руки смотришь?<sup>174</sup>
- Пол. Да, смотрю! Богатство подло и за жизнь свою трясётся!<sup>175</sup>
- Эт. Что ж ты с целым войском вышел на ничтожнейшего труса?
- Пол. Осторожный полководец лучше, чем высокомерный!
- Эт. Грубиян! Ты мнишь, от смерти перемирием спасёшься?
- Пол. Как и ты! Я повторяю: скипетра и доли царства...
- Эт. Никогда ты не получишь! В этом доме я хозяин!
- Пол. Нахватался и доволен? Эт. Именно! Покинь мой город!
- Пол. Алтари богов отцовых... Эт. Ты же сам пришёл их грабить!
- Пол. ...слушайте! Эт. Кому ты нужен, родины своей захватчик?
- Пол. Храмы братьев белокожных...<sup>176</sup> Эт. Ненавидящих твой голос!
- Пол. Вновь меня из дома гонят... Эт. Сам ты гнать меня решил!
- Пол. Боги, как несправедливо! Эт. Кличь богов своих, микенских!
- Пол. Нечестивец... Эт. Но не ставший, как и ты, врагом отчизны!
- Пол. ...ты меня в бездолье гонишь! Эт. И убью тебя вдобавок!
- Пол. Боль мою, отец, ты слышишь? Эт. Слышит, что ты вытворяешь!
- Пол. Мать, а ты? Эт. На это имя ты навек утратил право!
- Пол. Город мой! Эт. Ступай-ка в Аргос и зывай к воде лернейской!
- Пол. Ухожу, не беспокойся! Мать, спасибо! Эт. Вон отсюда!
- Пол. Я уйду, но лишь отца мне дай увидеть! Эт. Обойдёшься!
- Пол. Ну тогда сестёр хотя бы! Эт. Ты на них вовек не взглянешь!
- Пол. Сёстры! Эт. Что ты к ним зываешь, им врагом смертельным ставший?
- Пол. Мать, тебе хоть пожелаю счастья! Иок. Сын, куда уж больше!
- Пол. Сына ты теперь лишилась! Иок. В бедах я совсем погрязла!
- Пол. Как обижены мы страшно! Эт. Но и мне обид хватает!
- Пол. У какой ты встанешь башни?<sup>177</sup> Эт. А зачем ты знать желаешь?
- Пол. Выйду я на бой смертельный! Эт. Как я встречи этой жажду!
- Иок. Горе! Что вы там решили? Дети! Эт. Ты сама увидишь!

<sup>172</sup> Размер переходит с ямбического триметра (в переводе – с шестистопного ямба) на трохеический тетраметр. Еврипид пользуется этим размером для взволнованной, быстрой речи в девяти дошедших до нас трагедиях. Этот размер «был возрождён в последнее десятилетие творчества Евр[ипида], как один из его многих экспериментов по варьированию и обновлению формальных элементов трагедии» (Мастронард, с. 319).

<sup>173</sup> Вероятно, лишь присутствие матери удерживает Этеокла от братоубийства.

<sup>174</sup> Полиник следит за руками Этеокла, чтобы тот не вынул внезапно меч. Обычно считается, что Этеокл в это время кладёт руку на рукоять меча.

<sup>175</sup> В древнегреческой литературе богатый человек часто не обладает мужеством. Любовь к тому, что у него есть, заставляет его трепетать за свою жизнь, потому что с утратой жизни он утратит и богатство (см. Мастронард, с. 322). Полиник считает, что Этеокл, став единоличным правителем государства, способен теперь на любую подлость, например, исподтишка вонзить в брата меч.

<sup>176</sup> Пирсон (с. 123): «Амфион и Зет, фиванские эквиваленты Диоскуров <...>. Белые кони обычно связаны с божествами или героями». Диоскуры (Διόσκωροι, Διόσκουροι или Διὸς κοῦραι, «отроки Зевса») – Кастор и Полидевк (Κάστωρ «бобр» и Πολυδεύκης «много сладости»), близнецы-герои, обожествлённые после смерти.

<sup>177</sup> Во время битвы.

- Иок. Как Эриний вам отцовых избежать? Пол. Весь дом да сгинет!<sup>178</sup>  
 Меч мой пущенною кровью не замедлит напитаться!  
 Но и край, меня вскормивший, и богов прошу запомнить,  
 что меня отсюда гонят, обесчестив и унизив,  
 словно раб я, а не так же, как и этот, сын Эдипа!  
 Город, если пострадаешь, в том не я, а он повинен!  
 Я пришёл не добровольно из невольного изгнания!<sup>179</sup>  
 Что же, Феб, хранитель странствий!<sup>180</sup> Что же, дом родной! Прощайте!  
 И друзья! И боги в храмах, ждущие овечьей крови!  
 Я не знаю, суждено ли мне опять к вам обратиться,  
 но не спит надежда в сердце,<sup>181</sup> что при помощи бессмертных  
 со злодеем я покончу и взойду на трон фиванский!
- Эт. Вон отсюда! Волей неба дал тебе отец наш имя  
 Полиника. Ты и вправду многократных ссор зачинщик!<sup>182</sup>
- Хор<sup>183</sup> Тирский Кадм пришёл сюда,  
 где не знавшая ярма  
 с четырёх копыт телица  
 пала,<sup>184</sup> выполняя слово,  
 сказанное божеством,  
 что он дом поставит здесь  
 возле хлебородных нив,  
 где вода прекрасной Дирки  
 поит свежую траву  
 и землю тучную,  
 вспаханную глубоко.  
 Бромия здесь зачала  
 мать, возлѣгши с Зевсом.<sup>185</sup>  
 Тóтчас же кудрявый плющ  
 такое малое дитя  
 роскошными побегами,

<sup>178</sup> В некоторых рукописях это восклицание даётся Этеоклу, а Полиник уже продолжает со следующего предложения.

<sup>179</sup> В оригинале: «οὐχ ἑκὼν γὰρ ἦλθον, ἄκων δ' ἐξελαύνομαι χθονός». Вполне возможно, эта строка пострадала при переписке. Оригинал мог звучать так: «Я пришёл не добровольно, и я вынужден сражаться!» (см. Мастронард, с. 327). Думается, этот последний вариант может быть поставлен в текст как обоснованная реконструкция.

<sup>180</sup> Или «дорóг хранитель». Аполлон Агийей (Ἀγυιεύς), т.е. «покровитель дорог». Пирсон (с. 124): Этот Аполлон «был представлен конической каменной колонной, которая стояла у двери дома <...>. Первоначальное значение этого имени неясно; некоторые считают, что оно было дано богу как защитнику своих паломников (votaries) во время их странствий и думают, что именно по этой причине изображение его помещалось у входа [в дом – В.Н.]».

<sup>181</sup> Эта половина строки заимствована у Анненского.

<sup>182</sup> Имя «Полиник» означает дословно «многобренный» или «склонный ко многим вражде».

<sup>183</sup> Эта хоровая партия переведена размером оригинала. Текст половины первой строфы сильно повреждён, поэтому здесь могут быть отклонения от первоначального смысла.

<sup>184</sup> Ковач (с. 281): «Кадм, получив приказание своего отца, Агенóра, найти свою сестру, Европу, похищенную Зевсом, отправился в Дельфы. Аполлон повелел ему следовать за телицей и основать город там, где животное возляжет».

<sup>185</sup> Ковач (с. 281): «Семѣла, забеременев от Зевса, родила Диόниса, которого также называют Бромием». Семела (Σεμέλη) – четвертая дочь Кадма и Гармонии, богини согласия. Дионис (Διόνυσος) – младший из олимпийцев, бог растительности, виноградарства, виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза. Бромий (Βρόμιος, Шумный) – эпитет Диониса.

волною зелени на счастье осенил,  
и вакхическому богу  
пляшут, с криком экстаза,  
женщины и девы Фив.

Там дракон Арэсов жил,  
кровожадный, злобный страж,  
над обильными ручьями,  
над сверкающей водою  
множа взгляды зорких глаз.  
Жертвенной воды ища,<sup>186</sup>  
камнем Кадм его убил,  
окровавив лоб дракона  
зверобойною рукой.  
Палладе светлой вняв,  
матери не ведавшей,<sup>187</sup>  
бросил в почву рыхлую  
он драконьи зубы,  
и земля произвела  
корою верхней дивный сонм  
вооружённых воинов,  
но их домой вернул жестокосердный бой,<sup>188</sup>  
омочивший кровью землю,  
их явившую солнцу  
и небесным ветеркам.

И тебя, праматерью  
Ио́ рождённого,  
я зову, Эпафа, Зевсова потомка,  
криком варварок,  
ио́,<sup>189</sup>  
варварской мольбой!<sup>190</sup>  
В этот край приди, приди,  
это дом семьи твоей,<sup>191</sup>  
соимённых<sup>192</sup> плод богинь,

<sup>186</sup> Кадм подошёл к ручью, чтобы зачерпнуть воды для жертвоприношения телицы. Мастронард (с. 340): «Характерно для трагической западни, в которой оказывается семья Лая, то, что преступление Кадма против Ареса и Земли проистекает из повиновения оракулу и проведения ритуала: Кадм собирается принести жертву в честь исполнения оракула».

<sup>187</sup> Афина (Паллада) родилась из головы своего отца, Зевса. Таким образом, матери у неё нет.

<sup>188</sup> Ковач (с. 283): «Этот миф повествует о происхождении фиванской аристократии <...>. Воины, родившиеся из драконьих зубов, большей частью погибли в битве друг с другом, но некоторые выжили, чтобы породить лучших фиванских бойцов».

<sup>189</sup> Ио́ (ἰώ) – возглас, значение которого зависит от ситуации. Это может быть крик религиозного экстаза, восклицание скорби, восторга и т.д.

<sup>190</sup> В оригинале – «βαρβάρω βοῶ» («варварским криком») и «βαρβάρως λιταῖς» («варварскими молитвами»). Для современников Еврипида слово «варварский» означало не столько «дикий, свирепый», сколько «чужеземный». В переводе «варварский крик» заменён на «крик варварок», чтобы несколько смягчить устоявшиеся в современном русском языке ассоциации слова «варварский» с дикостью и необузданностью. Участницы Хора напоминают зрителям о том, что они не фиванки. Видимо, имеется в виду не то, что женщины поют на иностранном языке, но то, что мольба к греческому божеству исходит из негреческих уст.

<sup>191</sup> Фивы были созданы Кадмом и другими потомками Эпафа.

Персефассы<sup>193</sup> и родной  
 Деметры<sup>194</sup> божественной,  
 всевластной,<sup>195</sup>  
 Геи,<sup>196</sup> кормящей всех!  
 Богинь ты огненосных приведи,<sup>197</sup>  
 вступишь за нашу землю,  
 для бессмертных всё легко!

Эт.<sup>198</sup> Ступай и пусть придёт Креонт, сын Менекея,  
 брат матери моей, царицы Иокасты.  
 Скажи, что о делах мне хочется домашних  
 и государственных спросить его совета,  
 пока не начат бой, не выровнены копья.  
 Однако он отвёл от ног твоих работу  
 и к дому моему, я вижу, сам подходит.

#### КРЕОНТ

Я всё тут исходил, тебя найти стараясь,  
 владыка Этеокл! Все Кадмовы ворота,  
 всю стражу обошёл, охотясь за тобою!

Эт. И мне была нужда тебя, Креонт, увидеть.  
 Я перемирие нашёл весьма ущербным,  
 когда поговорил душевно с Полиником.

Кр. Я слышал, он умом над Фивами вознёсся,  
 родством с Адрастом горд, на армию надеясь.  
 Однако мы должны богам всё предоставить,  
 а я пришёл сказать о самом неотложном.

Эт. О чём же? Я ещё не знаю ничего.

Кр. Поймать нам удалось аргивского солдата.

Эт. Какие новости он сообщает нам?

Кр. Что войско аргивян решило город Кадмов  
 немедля сжать в кольцо и окружить все башни.<sup>199</sup>

Эт. Кадмейцам надобно за стены выходить.

<sup>192</sup> Т.е. к Деметре и Персефоне обращаются сразу к обеим, их имена в молитвах стоят рядом.

<sup>193</sup> Персефасса (Περσεφασσα) – одно из имён Персефоны (Περσεφόνη), богини плодородия и царства мёртвых, дочери Деметры и Зевса.

<sup>194</sup> Деметра (Δημήτηρ, Мать-земля) – богиня плодородия, покровительница земледелия, одна из наиболее почитаемых богинь, отсюда эпитет «родной» или «любимый» (φίλα). Мать Персефоны.

<sup>195</sup> В этой строке и предыдущей ради точности перевода пришлось несколько отойти от традиционного распределения слогов. Оно такое: «Деметры боже || ственной, всевластной». Конечно, в оригинальном тексте хоров перенос того или иного слова не так уж и редок, однако в переводе решено было этого не делать, чтобы не создавать ненужные препятствия для глаза.

<sup>196</sup> Гея (Γαία, Земля) – богиня-кормилица, здесь объединяется с Деметрой.

<sup>197</sup> Хор представляет, что Персефона и Деметра шествуют с факелами, как в торжественной религиозной процессии.

<sup>198</sup> Вся эта короткая речь Этеокла иногда удаляется как подложная. Этеокл обращается к одному из слуг.

<sup>199</sup> Обычно считается, что в этой реплике одна строка лишняя на основании некоторых неправильностей в самом тексте и ещё потому, что нарушается принцип стихомифии, т.е. вместо ожидаемой одной строки Креонт говорит две. Однако см. примечание Мастронарда (с. 353): «Некоторые критики девятнадцатого века считали оправданным приводить в порядок любую стихомифию, либо удаляя [текст], либо делая вывод о наличии лакуны. Более современные исследования обычно допускают, что существуют некоторые подлинные примеры отступления от правил, особенно в начале или конце эпизода [sequence]».



Кр. Куда? Ты молодой, а так неважно видишь?  
 Эт. За ров мы выбежим – и сразу на врага!  
 Кр. Нас мало в городе, а их не сосчитаешь.  
 Эт. Я знаю, что они храбры лишь на словах.  
 Кр. Но эллины не зря повсюду славят Аргос!  
 Эт. Мужайся! Скоро я всё поле обагрю!  
 Кр. Оно неплохо бы. Но, вижу, труд огромен.  
 Эт. Бойцов за стенами не стану я томить!  
 Кр. От здравомыслия успех в бою зависит.  
 Эт. Ты хочешь, чтобы я иных путей искал?  
 Кр. Да, всех. А уж потом и царство на кон ставил.  
 Эт. Что если ночью их в засаду заманить?  
 Кр. Да, если ты потом до дома доберёшься.  
 Эт. Ночь любит равенство и служит храбрецам!  
 Кр. В кромешной тьме легко на горе напороться.  
 Эт. А, может, нападём, когда они едят?  
 Кр. Ты удивишь врагов, а нам нужна победа.  
 Эт. И Дирка глубока, не просто отступить...  
 Кр. Нет блага лучшего, чем осторожность в деле.  
 Эт. Что если конницей аргивский лагерь смять?  
 Кр. Там колесницами враг плотно отгорожен.  
 Эт. Но что же делать мне? Страну врагам отдать?  
 Кр. Ни в коем случае. Ты думай, если мудрый.  
 Эт. Какой же замысел разумней остальных?  
 Кр. Там семеро мужей, мне как-то говорили...  
 Эт. Что им поручено? Число невелико!  
 Кр. ...отряды подвели к семи воротам нашим.  
 Эт. Как быть? Я не хочу сидеть и ждать беды!  
 Кр. Ты тоже семерых определи к воротам.  
 Эт. Дать каждому отряд? Одних отправить в бой?  
 Кр. Отряды им назначь, и выбери храбрейших.  
 Эт. Я понял. Кольца стен от штурма защищать.  
 Кр. И вместе править бой. Один всего не видит.  
 Эт. За смелость выбрать их? За хладнокровный ум?  
 Кр. За оба. Ни одно не ценно без другого.  
 Эт. Ну что же, я тогда семь башен обойду,  
 лохагов у ворот, по твоему совету,  
 поставлю столько же, как у врагов моих.  
 Сейчас нет времени назвать их поимённо,<sup>200</sup>  
 ведь недруги стоят у самых наших стен.  
 Пойду я, чтоб рука в бездействии не стыла.

<sup>200</sup> В оригинале – «ὄνομα δ' ἐκάστου διατριβῆ πολλῇ λέγειν», т.е. «назвать имя каждого (займёт) много времени» (дословный перевод). Против подлинности этого пассажа выдвигаются возражения на том основании, что сначала Этеокл жалуется на нехватку времени, а потом продолжает говорить ещё целую страницу. Однако имеется в виду, наверное, не столько название семи имён (действительно, это заняло бы всего две-три строки), сколько обдумывание или обсуждение подходящих кандидатов, если понять слова Этеокла в несколько более широком смысле, что здесь и делается. Если же оставить в силе буквальное толкование, то и тогда Еврипид, говоря о нехватке времени, может пытаться передать напряжённость момента. Более того, Этеокл может сначала сказать, что у него нет времени, но потом забыть об этом при обсуждении серьёзных семейных проблем. В любом случае нет веских причин сомневаться в подлинности этих строк.

Хотел бы с братом я сойтись лицом к лицу,<sup>201</sup>  
сразить его копьем в сражении открытом,  
убить захватчика, вошедшего в мой дом!  
А брак сестры моей, царевны Антигоны,  
и сына твоего, Гемона, если я  
паду, ты сам устрой. Я ныне подтверждаю  
свое ручательство, идя на смертный бой.  
Брат матери моей, чего ещё добавить?  
Забиться о сестре в честь нашего родства!  
Отец мой заслужил название безумца,  
себя же ослепив. Я это не хвалю.  
Возможно, он всех нас проклятиями погубит.  
Одно я упустил: Тиресия спросить,  
птицегадателя, не скажет ли какое  
нам прорицание. Я сына твоего,  
которого зовут по деду Менекеем,  
пошлю позвать сюда Тиресия, Креонт.  
Он радостно придёт поговорить с тобою,  
а на меня он зол, ведь я критиковал  
в его присутствии искусство прорицанья.  
Я город и тебя прошу ещё, Креонт:<sup>202</sup>  
коль верх я одержу, вы тело Полиника  
не смейте погребать в земле родимых Фив!  
Кто погребёт – умрёт, пусть и родня он брату!  
Вот речь моя тебе. А слугам я скажу:  
несите мне сюда оружие и доспехи  
для предстоящего сражения копьем,  
пусть дело правое дарует мне победу!<sup>203</sup>  
Предосторожности, нужнейшей из богинь,  
молюсь я, чтоб она спасла любимый город!

Хор<sup>204</sup> О, многотрудный Арес, почему тебя  
манят убийство и кровь? Что ж на Бромиев пир ты не ходишь?  
В круге увенчанных дев, начинающих танец прекрасный,  
пряди волос распустив, под вздохи свирели не вторишь  
музыке, дому Харит<sup>205</sup> грациозных,  
но копьеносных бойцов, рать аргивскую посылаешь  
резать фиванцев,  
пляску ведя не под звуки свирелей.  
С тирсом<sup>206</sup> не кружишься ты, облачившись в небриду,<sup>207</sup>

<sup>201</sup> Подлинность отрывка, начинающегося с этой строки и заканчивающегося словами «он погубит» (12 строк спустя), иногда подвергается сомнению.

<sup>202</sup> Эта строка и четыре последующие (до слов «а слугам я скажу») иногда объявляются подложными.

<sup>203</sup> Подлинность этой строки подвергается сомнению.

<sup>204</sup> Перевод этой хоровой партии преимущественно следует ритму оригинала.

<sup>205</sup> Хариты (Χάριτες, «изящные, прелестные») – три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности.

<sup>206</sup> Тирс – деревянный жезл, увитый плющом и виноградными листьями, сделан из стебля гигантского фенхеля, увенчанный шишкой пинии – атрибут древнегреческого бога рождающих сил природы и вина Диониса, а также его свиты, сатиров и менад.

<sup>207</sup> Небрида (νεβρίς) – шкура молодого оленя, которую носили вакханки на празднествах в честь Диониса.

тут колесницы тебе, четвери́цы копыт, лязг уздечек<sup>208</sup> –  
 всё ты мчишь по исменским потокам,  
 взбитым конницей резвой, род посеянный<sup>209</sup> бросив  
 на аргивян,  
 люд щитоносный, гремящий оружием,  
 выстроенный вдоль стены многокаменной,  
 весь закованный в медь.  
 Точно, богиня Эрида чудовищна,  
 в горе она погружает владения  
 бедствующих Лабдакидов!<sup>210</sup>

Священнолиственный дол, вольный дом зверей,  
 ты Артемидой любим, Киферон, нас питающий снегом,  
 если бы только тобой не был выкормлен сын Иокасты,  
 плод нежеланный, Эдип, на смерть унесённый из дома  
 с меткой булавок тугих, золочёных,<sup>211</sup>  
 если бы девственный зверь не слетел с горы,<sup>212</sup> чтобы мучить  
 скорбное царство,  
 Сфинкс, песни певшая, мерзкие Музам,<sup>213</sup>  
 и Кадмов род в четырёх уносившая лапах<sup>214</sup>  
 вдоль этих стен городских к неприступному свету эфира,  
 насланная подземным Аидом  
 на кадмейцев! А ныне расцветает иное –  
 вражда сынов  
 дома Эдипова, город объявшая!  
 Благо от зла никогда не рождается,  
 незаконны вовек<sup>215</sup>  
 дети, плод скверны, рождённые матерью,  
 с единокровным отцом возлежавшую,  
 <чрево наполнив проклятьем!><sup>216</sup>

<sup>208</sup> Эта строка (и отчасти предыдущая) плохо сохранилась, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

<sup>209</sup> В оригинале – «Σπάρτῶν γέννα», т.е. «род посеянных (воинов)» = фиванцы. Имеются в виду воины, выросшие из драконьих зубов, которые посеял Кадм.

<sup>210</sup> Эта строка иногда объявляется подложной.

<sup>211</sup> Здесь возникает противоречие с более ранним утверждением (во вступительной речи Иокасты), что пастухи «оставили младенца, || штыри железные вонзив ему в лодыжки». Хор, видимо, придерживается иного варианта легенды, согласно которому стопы младенца Эдипа были пронзены золочёными булавками. Возможно, впрочем, что имеются в виду украшения на самом ребёнке (см. Мастронард, с. 384-5).

<sup>212</sup> В переводе слегка перефразируется интересное описание Сфинкса – «τὸ παρθένιον πτερόν, ὄρειον τέρας», т.е. «девственное перо, горное чудовище». Вот более буквальный вариант перевода: «если бы девственное перо, горный зверь, не спустился || мучить страну». Это описание, очень удачное в оригинале, не представляется, однако, в своей буквальной передаче приемлемым в переводе. Впрочем, читатель может по желанию использовать и его.

<sup>213</sup> Сфинкс пела свою загадку, написанную метрическим стихом.

<sup>214</sup> Сфинкс требовала, чтобы ей отдавали в жертву фиванских юношей.

<sup>215</sup> Эта строка и две последующие сильно испорчены, поэтому смысл восстанавливается приблизительно.

<sup>216</sup> Этой строки нет в оригинале, она является моей реставрацией для сохранения соответствия строк между строфой и антистрофой.

Некогда ты родила, Земля<sup>217</sup>  
 (варварский этот рассказ я узнала, услышала дома)  
 от звероеда лесов, монстра с пурпурным гребнем, дракона,  
 племя оживших зубов,<sup>218</sup> для фиванцев упрёк превосходный!<sup>219</sup>  
 Некогда боги на свадьбу Гармонии  
 с неба сошли, Амфион заиграл на форминге,<sup>220</sup> и стены  
 город сомкнули кольцом, и восстали над Фивами башни  
 на полоске земли между рек-близнецов,<sup>221</sup>  
 там где Дирка поит зеленеющий дол,  
 не скупясь, пред встречей с Исменом.<sup>222</sup>  
 Позже Ио здесь, праматерь рогатая,<sup>223</sup>  
 род основала кадмейских властителей.  
 И в достижениях, друг друга сменяющих,  
 город окреп и стоит  
 у обрыва войны, украшенный  
 венками Ареса.<sup>224</sup>

### ТИРЕСИЙ<sup>225</sup>

Веди же, дочь, меня! Слепой моей стопе  
 ты – глаз, как морякам сияние звезды.  
 Направь мой след сюда, где почва чуть ровнее.  
 Иди, не дай упасть! Отец твой слаб совсем.  
 Рукою девственной таблички сохрани,<sup>226</sup>

<sup>217</sup> В этой строке повторяется слово «родила», которое не может быть сохранено из-за размера. Вариант перевода: «Некогда ты родила, родила, Земля». Такой вариант более точен, но «растягивает» размер. Если точное следование оригинальному размеру не является принципиальным (например, при постановке этой трагедии), то можно взять альтернативный вариант. Еврипид часто заставляет Хор повторять слова, создавая этим своеобразный эффект заклинания или эха, и это может звучать эффектно на сцене.

<sup>218</sup> В оригинале – «γένναν ὀδοντοφυῆ», т.е. «племя, рождённое из зубов». Как мы помним, фиванцы произошли от зубов дракона, посеянных в землю Кадмом.

<sup>219</sup> Ковач (с. 301): «Рождение от змеиных зубов может считаться упрёком в зверином происхождении, однако для Фив это источник гордости».

<sup>220</sup> Форминга или фординга (φόρμιγξ) – древнегреческий струнный щипковый инструмент, считается древнейшим из семейства греческих лирообразных.

<sup>221</sup> Пирсон (с. 141): «Две реки – это Дирка и Исмен, и здесь говорится просто, что Фивы лежат между ними».

<sup>222</sup> Мастронард (с. 389): «После приблизительно параллельного курса две реки сливаются на равнине к северу от Фив». Размер этой строки слегка изменён для гладкости чтения. Точный размер такой: «поит перед встречей с Исменом».

<sup>223</sup> Ио (Ἰώ) – дочь древнейшего аргивского царя, речного бога Инаха. Была возлюбленной Зевса, который превратил её в корову, чтобы избежать гневной ревности своей супруги Геры.

<sup>224</sup> Значение последних трёх строк эпода не вполне ясно. Существуют противоположные толкования. См. их обсуждение у Пирсона (с. 141-2) и Мастронарда (с. 389-90). В переводе принято более «пессимистическое толкование». Переведём и более «оптимистический» вариант: «город окреп и стоит, || к новой битве готов, украшенный || венками Ареса». Читатель волен выбрать любой вариант, потому что оба они обоснованы. «Венки Ареса» в первом толковании будут означать кольца врагов, сжавшие город, а во втором – венки, заслуженные Фивами за прежние победы.

<sup>225</sup> Тиресий (Τειρεσίης) – слепой прорицатель в Фивах. По одной легенде, в юности Тиресий увидел обнажённой купавшуюся Афину и был ею за это лишён зрения. После Афина сжалилась над ним, но уже не могла отменить своего наказания и дала ему взамен дар прорицаний, так что ему стал понятен язык птиц.

<sup>226</sup> В оригинале – «κλήροισ», т.е. «жребии», которые здесь переводятся как «таблички». Точно не известно, что имеется в виду, однако есть предположение, что это покрытые воском дощечки, на которых прорицатель пишет результаты своих наблюдений за полётом птиц (в данном случае, поскольку Тиресий слеп, он слушает, что «говорят» птицы). Этих дощечек у него накапливается много, и потом он вынимает те, которые ему необходимы в данной ситуации. См. обсуждение этого у Мастронарда (с. 394-5).

- которые я взял, внимая крикам птичьим  
в святилище моём, где прорицаю я!  
Ты, юный Менекей, Креонтов сын, скажи,  
как долго мне идти по улицам до встречи  
с твоим родителем? Колени затекли,  
и частые шаги<sup>227</sup> мне множить нелегко.
- Кр.<sup>228</sup> Мужайся! Здесь друзья! Причаливай, Тиресий,  
как в гавань тихую! Веди его, сынок!<sup>229</sup>  
Старик нуждается в предложенной руке,  
подобно женщине, сходящей с колесницы.<sup>230</sup>
- Тир. Ну вот я и пришёл. Что звал меня, Креонт?
- Кр. О том успеется. Ты силы наберись,  
немного подыши, передохни с дороги!
- Тир. Да, я и впрямь устал. В краю Эрехтеид<sup>231</sup>  
я был, и лишь вчера вернулся в дом родной.  
И там была война, с дружинами Эвмолпа.<sup>232</sup>  
Сынам Кикроповым<sup>233</sup> победу я предрёк  
и золотой венец, как видишь, получил,  
наиценнейший дар из воинских трофеев.
- Кр. Примета добрая – победный твой венец!  
Нас носит по волнам, об этом знаешь ты,  
данайцы нас теснят, беда грядёт на Фивы.  
Уже царь Этеокл, в доспехи облачён,  
отправился на бой с державою микенской,  
меня же он прислал, чтоб у тебя узнал я,  
что лучше сделать нам, чтоб город наш спасти.
- Тир. Для Этеокла я свой рот бы затворил,<sup>234</sup>  
прервав пророчества, но коли ты желаешь,  
скажу. Страна больна давно уже, Креонт,  
с тех пор как Лай отцом стал бедному Эдипу,<sup>235</sup>  
супругу матери, наперекор богам.  
А вырыванье глаз из их орбит кровавых –  
то боги сделали в пример Элладе всей.  
Сыны Эдиповы беду свою на время<sup>236</sup>  
сокрыть надеялись и спрятать от богов,

<sup>227</sup> Имеется в виду, что слепой старик передвигается короткими частыми шагами и поэтому быстро устаёт (см. Пирсон, с. 142; Мастронард, с. 395).

<sup>228</sup> Мастронард (с. 395): «Креонт отвечает на вопрос, адресованный Менекею <...>; этот приём создаёт впечатление того, что Менекей будет молчащим персонажем, приводя к эффекту неожиданности, когда он, наконец, всё-таки начинает говорить».

<sup>229</sup> Обращается к Менекею.

<sup>230</sup> Смысл этой строки и предыдущей окончательно не установлен. Здесь принимается версия, убедительно защищаемая Мастронардом (с. 396-7).

<sup>231</sup> Эрехтеиды – семья и сторонники афинского царя Эрехтея, т.е. афиняне.

<sup>232</sup> Эвмолп или Евмолп (Εὐμόλπος, «хорошо поющий») – сын Посейдона, основатель элевсинских таинств. Погиб от руки Эрехтея.

<sup>233</sup> Кёкроп или Кёкропс (Κέκροψ) – основатель и первый царь Аттики. Кекропиды – его потомки, т.е. опять же афиняне.

<sup>234</sup> У Этеокла были с Тиресиём плохие отношения.

<sup>235</sup> Отрывок, начинающийся с этой строки и заканчивающийся словами «им умертвить друг друга» (13 строк) иногда считается подложным.

<sup>236</sup> Т.е. надеясь, что со временем люди позабудут о случившемся.

греша в невежестве, отца лишая чести,  
 замкнув его на ключ! Они вогнать сумели  
 страдальца в гнев такой, что он на них проклятья  
 изверг ужасные, и страждя, и стыдись!<sup>237</sup>  
 Я сделал всё, что мог, я всё сказал, что думал,  
 и ненавистен стал Эдиповым сынам!  
 Теперь убить, Креонт, им суждено друг друга.  
 И трупов множество на трупы упадёт,  
 кадмейцев, аргивян, одной смешавшись грудой,<sup>238</sup>  
 и стоны горькие зальют фиванский край,  
 и ты, несчастный град, падёшь со всеми вместе,  
 когда в мои слова не вслушаетесь вы!  
 Нельзя ни одному из сыновей Эдипа<sup>239</sup>  
 ни гражданином быть и ни царём страны,  
 в них демоны сидят,<sup>240</sup> они разрушат город!  
 Но так как зло сильней и блага, и добра,  
 нам способ дан один, несущий избавленье,  
 однако мне о том опасно говорить,  
 и горек этот путь тому, кто избран роком  
 питьё спасения отчизне поднести.  
 Пойду-ка я. Прощай! Приму я с остальными  
 свой жребий, если так. Что сделать я могу?

- Кр. Повремени, старик! Тир. Меня не трогай лучше!  
 Кр. Постой! Чего бежишь? Тир. Твой рок бежит, не я!  
 Скажи, как нам спастись, и городу, и людям!  
 Тир. Ответа требуешь, а будешь ведь жалеть!  
 Кр. Как можно не хотеть спасти свою отчизну?  
 Тир. Тебе действительно не терпится узнать?  
 Кр. Чего ещё желать, к чему ещё стремиться?  
 Тир. Ну что же, выслушай пророчество моё!<sup>241</sup>  
 Но нужно мне сперва узнать определённо,  
 где сын твой, Менекей, что вёл меня сюда.  
 Кр. Он тут, недалеко, стоит с тобою рядом.  
 Тир. Пускай от уст моих подальше отойдёт!  
 Кр. Он сын мой, и молчать о слышанном сумеет.  
 Тир. Предпочитаешь ты, чтоб я сказал при нём?  
 Кр. Он будет рад узнать, как нам в живых остаться!  
 Тир. Ну, слушай о пути провидений моих!

<sup>237</sup> Пирсон (с. 144): «Согласно *Фиваиде* [трагедии Эсхила – В.], проклятие Эдипа было вызвано: (1) тем, что ему подали еду на серебряном столе, а питьё – в золотом кубке Кадма в нарушение его приказов; (2) что он получил в виде своей доли жертвоприношения бедренную часть, а не плечо животного». Многим современным читателям эти причины могут показаться слишком тривиальными, чтобы проклинать своих сыновей, однако в древности подобные «мелочи» служили признаком более серьёзных проблем – в данном случае, потери уважения и чести.

<sup>238</sup> Перевод следует исправлению, принятому в некоторых изданиях. Вот оригинальный вариант: «скрестив своё оружие». Мне он представляется менее эффективным.

<sup>239</sup> Отрывок, начинающийся с этой строки и кончающийся словом «способ» (5 строк) иногда считается подложным.

<sup>240</sup> Пирсон (с. 145): «Вера в одержимость бесами была более распространена [в Древней Греции – В.], чем прямо предполагается в литературе [того периода – В.]».

<sup>241</sup> Эта строка иногда объявляется подложной.

- Ступив на этот путь, вы Кадмов град спасёте.<sup>242</sup>  
 Убить за родину ты должен Менекея.  
 Да, сына твоего! Свой рок ты сам накликал!<sup>243</sup>
- Кр. Что-что? Старик, очнись! Ты что такое мелешь?
- Тир. Сказал я всё, как есть. Ты должен это сделать!
- Кр. В слова немногие так много зла вместилося!
- Тир. Тебе и вправду зло, а родине спасенье!
- Кр. Не слышал я тебя, не слушал! Падай, город!
- Тир. Наш воин сам не свой. Всё мужество утратил.
- Кр. Иди, старик, иди! Не нужно мне пророчеств!
- Тир. Погибла ль истина, когда ты стал несчастным?
- Кр. Коснусь колен твоих и седины почтенной...
- Тир. Чего ты льнёшь? Смирись! Беда неотвратима!
- Кр. Молчи! Не говори об этом горожанам!
- Тир. Ты кривды требуешь? Я рот свой не закрою!
- Кр. Ты что же сделаешь? Ты сына уничтожишь?
- Тир. То городу решать, а я сказать обязан!
- Кр. Но как нам с мальчиком такое зло досталось?
- Тир. Ты верно поступил, потребовав ответа.<sup>244</sup>  
 В пещерах, где дракон, землёю порождённый,  
 жил стражем чистых вод, вливающихся в Дирку,  
 да встретит сын твой смерть, чтоб кровью дать напиться  
 Земле за древний гнев Ареса против Кадма,  
 за землеродного отмщающий дракона.<sup>245</sup>  
 Тогда союзником Арес вам точно будет.  
 Прияв же плод за плод<sup>246</sup> и кровью человеческой  
 смыв кровь змеиную, к нам станет благосклонной  
 Земля, нам урожай спартанцев златошлемных  
 взрастившая. Итак, погибель ждёт потомка  
 людей, рождённых встарь от челюсти драконьей.  
 Остался ты один из рода тех спартанцев!  
 И мать твоя с отцом до капли чистокровны,  
 и сыновья твои! Гемона от закланья<sup>247</sup>  
 спасает брак его, ведь он уже не холост  
 и, хоть не знал жены, но ходит обручённый.  
 А вот жеребчик твой не связан, и за город  
 он сможет умереть и край родной избавить.  
 Он в горький путь домой Адраста и аргивцев  
 пошлёт и застелит им очи чёрной скорбью,  
 а Фивам славу даст. Из двух судёб любую

<sup>242</sup> Эта строка сохранилась в нескольких разночтениях и может быть подложной.

<sup>243</sup> Т.е. ты сам сказал, чтобы я вернулся и возвестил тебе моё пророчество, когда я уже уходил, не желая этого делать.

<sup>244</sup> Эта строка иногда объявляется подложной.

<sup>245</sup> Пирсон (с. 148): «Земля враждебна, потому что осквернена кровью убитого змея, своего детища и стража <...>. Междоусобный конфликт в Спарте был первым проявлением её [земли – В.] недовольства. Путём принесения в жертву потомка дракона яд первоначального кровопролития может быть смыт с земли, которая тогда вернётся к своим благим функциям кормления [kindly functions of nutrition]», т.е. к своей обычной благорасположенности кормилицы всех живых существ.

<sup>246</sup> Т.е. твой плод, твоего сына, за свой плод, убитого дракона.

<sup>247</sup> Подлинность этой строки и двух последующих подвергается сомнению.

бери: пусть либо сын спасётся, либо город!  
 Я всё тебе сказал. Пойдём отсюда, дочка!  
 Веди меня домой! Напрасно мы гадаем  
 по жертве огненной. Несчастья возвещая,  
 мы делаем врагов из тех, кому пророчим,  
 а если иногда и лжём из сострадания,  
 то лишь гневим богов. Пускай бы Феб единый  
 пророчил для людей. Ему никто не страшен.

Хор<sup>248</sup> Креонт, что ты молчишь, ни слова не роняешь?  
 Не менее, чем ты, потрясена я этим!

Кр. А что мне говорить? Мне всё и так понятно.  
 Я никогда себе не поврежу настолько,  
 чтоб сына своего закласть за этот город.  
 Все люди таковы. Своих детей все любят,  
 ребёнка своего никто не даст убийцам.  
 Не нужно мне хвалы, детей моих губящей.  
 Я сам уже достиг вершины этой жизни<sup>249</sup>  
 и умереть готов за родину охотно.  
 Давай, сынок, беги, пока не знает город,  
 беги от этих злых, разнузданных пророчеств!  
 Скачи во весь опор, забудь про эту землю!  
 Он это всё властям и полководцам скажет,  
 лохагов известит, пройдя к семи воротам!<sup>250</sup>  
 Нам нужно действовать, в проворности спасенье!  
 Помедлив, пропадём, и ты тогда погибнешь!

#### МЕНЕКЕЙ

Куда же мне бежать? В чей город? В чьё семейство?

Кр. Покинь страну, беги, лети как можно дальше!

Мен. Твой труд – приказ давать, а мой – повиноваться.

Кр. Ты, Дельфы миновал... Мен. Куда, отец, направлюсь?

Кр. ...скачи в Этолию. Мен. Ну а потом, оттуда?

Кр. К теспротам уходи.<sup>251</sup> Мен. К святым камням Додоны?<sup>252</sup>

Кр. Вот именно. Мен. А мне какая там защита?

Кр. На бога положишься. Мен. Но где найду я денег?

Кр. Я денег дам тебе. Мен. Ну что ж, отец, прекрасно.

<sup>248</sup> Помните, что при разговоре Хора с героями говорит не весь хор, но один лишь корифей.

<sup>249</sup> Вариант: «предела этой жизни». В оригинале – «ἐν ὥραϊφ ἄρ ἕσταμεν βίου». Мне кажется, оба варианта перевода приемлемы, в зависимости от того, что нужно подчеркнуть – преклонный возраст Креонта, когда всё равно скоро придётся умереть, или же то, что Креонт достиг расцвета жизни, и теперь последует неизбежный упадок, которому всякий герой предпочтёт славную смерть.

<sup>250</sup> Эта строка и предыдущая иногда подвергаются сомнению. Мастронард справедливо замечает (с. 424), что, хотя Тиресий и отказался хранить божественную волю в тайне, он всё-таки оставил выбор дальнейшего действия за Креонтом, попросив свою дочь отвести его домой. Креонт, однако, готовится к худшему развитию событий, не доверяя прорицателю. От себя добавлю, что не стоит ожидать логичных мыслей и поступков от потрясённого и перепуганного отца. Более того, в античной трагедии очень часто драматическая напряжённость момента предпочитается логике.

<sup>251</sup> В оригинале – «Θεσπρωτὸν οὐδας», т.е. «в теспротийскую землю». Теспротίδα (Θεσπρωτίς) – прибрежная область в юго-западном Эпире. В древности была населена пеласгийским племенем теспротов.

<sup>252</sup> Додона (Δωδώνη) – древнегреческий город в Эпире, неподалёку от современной Янины, который славился в античности оракулом при храме Зевса. Этот оракул считался самым ранним во всей Древней Греции. Прорицания разгадывались по шелесту листьев священного дуба.



Ступай, а я схожу сестру твою проведать,<sup>253</sup>  
 дававшую мне грудь когда-то, Иокасту,  
 когда младенцем я без матери остался.<sup>254</sup>  
 С ней попрощаюсь я, да и начну спасаться.<sup>255</sup>  
 Иди же, хорошо? Задержек нам не нужно.<sup>256</sup>  
 Как ловко, женщины, я страх отца развеял,  
 своих намерений ему не раскрывая!  
 Губя свою страну, меня он прогоняет,  
 как труса жалкого! Ему простится это,  
 ведь он уже старик,<sup>257</sup> а где же мне прощенье,  
 предателю страны, на свет меня родившей?  
 Вы знаете: я пойду, спасу свою отчизну  
 и душу положу за город свой родимый!  
 Ведь стыдно. Хоть других оракулы не гонят  
 и воля божества не принуждает к битве,  
 они, сомкнув щиты,<sup>258</sup> стоят, готовы к смерти,  
 у башен городских, защитники отчизны,<sup>259</sup>  
 а я, предав отца, предав родного брата  
 и город мой родной, сбегу, как трус последний,  
 и где, в какой стране избегну я презренья?  
 Нет! Слушай, звёздный Зевс! И ты, Арес кровавый,  
 который властвовать поставил тут спартанцев,  
 возросших некогда над этою землёю!  
 Взойду на стену я, у самой кромки встану

---

<sup>253</sup> Отрывок, начинающийся этой строкой и заканчивающийся словами «задержек нам не нужно» (5 строк), вызывает споры в смысле распределения реплик. Во многих изданиях весь этот отрывок произносит один Менекей (как и в нашем переводе). Однако существует и другое мнение, возникшее уже в Античности и поддержанное серьёзными аргументами. Мастронард (с. 425-6), например, считает странным как то, что Креонт уходит со сцены, не произнося заключительного слова, так и то, что юноша даёт указания своему отцу, что является грубым нарушением этикета. На это можно возразить, что Менекей, готовясь принести себя в жертву, находясь в состоянии аффекта, чувствуя себя отныне инструментом божественной воли, спасителем отечества, вполне может позабыть о приличиях и взять инициативу на себя. Более того, Еврипид нередко приносит этикет в жертву драматичности момента, не желая задерживать действие излишними подробностями. Впрочем, точка зрения, высказанная Мастронардом, тоже заслуживает внимания, поэтому приведём и альтернативный вариант перевода:

Кр. Я денег дам тебе. Мен. Ну что ж, отец, прекрасно.

Кр. Ступай! Мен. Но я хочу сестру твою проведать,  
 дававшую мне грудь когда-то, Иокасту,  
 когда младенцем я без матери остался.  
 С ней попрощаюсь я, да и начну спасаться.

Кр. Иди же, хорошо. Задержек нам не нужно.

<sup>254</sup> Мать Менекея звали Эвридикой. Она была фиванской царицей и женой Креонта. Согласно еврипидовскому варианту мифа, умерла молодой.

<sup>255</sup> Вариант перевода, несколько менее точный: «С ней попрощаюсь я, и приступлю к побегу.»

<sup>256</sup> Здесь Креонт уходит, а Менекей обращается к Хору.

<sup>257</sup> Мастронард (с. 428): «Подразумевается, возможно, либо то, что Креонт, уже близкий к завершению своей жизни, придаёт очень большую ценность детям, которые олицетворяют собой выживание его имени и клана, либо то, что, послужив своему городу в прошлом, его не будут слишком сильно порицать за то, что он отказывается оказать ему [городу – В.] дорогую услугу теперь».

<sup>258</sup> Пирсон (с. 153): Еврипид «описывает боевой строй дорийцев, в котором правая сторона воина была покрыта щитом рядом стоящего».

<sup>259</sup> Менекей, конечно, преувеличивает. Горожан принуждает, может быть, не оракул, но точно обстоятельства, и у них тоже мало выбора.

и заколю себя над логовищем чёрным  
 дракона, как о том поведал прорицатель,  
 и землю искуплю! Довольно разговоров!  
 Пошёл я, смертный дар для города готовя,<sup>260</sup>  
 нескудный этот дар спасёт нас от проклятья!  
 Когда бы каждый мог, по мере сил душевных,  
 со здравомыслием, о всех равно заботясь,  
 служить своей стране, то стало в городах бы  
 гораздо меньше зла, и всем бы счастье было!

Хор<sup>261</sup> Пришла, пришла  
 дочь Земли крылатая,  
 плод мертвенной Ехидны,<sup>262</sup>  
 грызть детей Кадмовых  
 среди многих стонов, многих бед!  
 Полудева ты,  
 чудо хищное,  
 плещешь крыльями,  
 рвёшь когтем плоть сырую!  
 С плёсов диркейских ты  
 крала парней когда-то  
 своей безлирной песней!<sup>263</sup>  
 Эринию ты злую  
 привела, привела в край родимый, под стон  
 гибельный! Гибельный,<sup>264</sup> верно, бог  
 это всё устроил!  
 Плач безутешных матерей  
 и девушек надрывный плач,  
 в комнатах звучащий!  
 Печальный, неуёмный крик,<sup>265</sup>  
 неутихающая песнь  
 здесь и там звучали скорбно,  
 слышались за твердью стен!  
 Стоны и рыдания,  
 как раскаты грома,  
 мчались вслед крылатой деве,  
 уносившей юношу из града!

<sup>260</sup> Подлинность этой строки, как и пяти последующих (до конца речи Менекея) подвергается сомнению. Во-первых, Менекея уже всё сказал и поставил точку в своей речи, а теперь вынужден продолжать говорить, не сообщая ничего принципиально нового. Во-вторых, текст написан довольно плохо и смысл его не вполне ясен. В защиту же этого отрывка можно сказать, что Еврипиду свойственно заканчивать драматические монологи морализаторской сентенцией, и общий настрой этих строк вполне соответствует стилю автора. Так что вопрос о том, написаны ли эти строки Еврипидом (и, вероятно, текст был испорчен при переписке) или же это – более поздняя вставка, остаётся открытым.

<sup>261</sup> Перевод этой хоровой партии следует ритму оригинала.

<sup>262</sup> Ехидна (Ἐχίδνα, «гадюка») – гигантская полуженщина-полузмея, хтоническое божество.

<sup>263</sup> Считается, что так Еврипид называет загадку Сфинкса.

<sup>264</sup> Это повторение слова в начале следующего предложения является разновидностью риторической фигуры, которая называется палилогией. В дошедших до нас произведениях Еврипида она встречается всего два раза, здесь и в «Вакханках» (см. Мастронард, с. 440).

<sup>265</sup> Эта строка и следующая выглядят в оригинале так: «ἰηήιον βοάν, || ἰηήιον μέλος». Форма «ἰηήιον» – мелодическое расширение прилагательного «ἰήϊος» («горестный», «скорбный»). Перевод перефразирует смысл этих двух строк, потому что буквальная передача не представляется возможной.

И вот пришёл  
 Пифией<sup>266</sup> к нам посланный  
 Эдип многострадальный  
 в землю Фив, к радости  
 сначала, а потом к беде!  
 С матерью вступил  
 он в позорный брак,  
 бедный юноша,  
 загадку разгадавший,  
 скверной пятная град,  
 в чреду злодейств кровавых  
 детей своих ввергая  
 хулой своею, бедный!  
 Восхищаемся мы, восхищаемся мы  
 юношей храбрым, избравшим смерть  
 за родную землю,  
 Креонту оставляя плач,  
 но семибашенным стенам  
 принося победу!  
 Таких родить бы нам детей,  
 навек в них счастье обрести,  
 свет-Паллада! Метким камнем  
 змёю ты пустила кровь,  
 понуждая Кадма  
 приступить к работе,<sup>267</sup>  
 разорившей эту землю  
 некоего демона проклятьем!

#### ВЕСТНИК

- Эй вы, привратники! Есть кто-нибудь на страже?  
 Откройте! Из дворца зовите Иокасту!  
 Да слышите же вы! Что медлите? Живее!  
 Приди, услышь меня, жена и честь Эдипа!<sup>268</sup>  
 Довольно сетовать! Уйми поток рыданий!  
 Иок. Дражайший, ты пришёл не с горестной ли вестью,  
 что мёртв мой Этеокл, с которым щит смыкал ты,  
 лавине вражьих стрел дорогу преграждая?  
 Какое новое принёс ты сообщенье?<sup>269</sup>  
 Жив сын мой или мёртв? Ответь же поскорее!  
 Вест. Он жив, не трепещи! Я этот страх развею!  
 Иок. А башни держатся? Все семь? А стены целы?  
 Вест. Весь город невредим! Не шелохнутся стены!<sup>270</sup>

<sup>266</sup> Пифия (Πύθια) – жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. Т.е. Эдип послан Аполлоном, говорившим через Пифию.

<sup>267</sup> Видимо, к закладыванию оснований Фив.

<sup>268</sup> Эта строка и следующая иногда считаются подложными.

<sup>269</sup> Скорее всего, эта строка – позднейшая вставка. Она прерывает ход мысли и некстати повторяет уже заданный ранее вопрос.

<sup>270</sup> В оригинале сначала говорится про стены, а потом про город, и становится не сразу понятным, к чему относится слово «они» в начале следующей строки. Чтобы избежать этой неясности, половинки строки были переставлены местами.

- Иок. Они в опасности от воинства аргивцев?  
 Вест. Да, был такой момент, но наш Арэс кадмейский сумел преодолеть микенское оружие!  
 Иок. Молю бессмертными, скажи, что с Полиником? Одно хочу я знать: он видит это солнце?  
 Вест. Живут и здравствуют покамест оба сына!  
 Иок. Благодарю тебя! А как же вы аргивцев, хоть осаждённые, так ловко отразили? Скажи! Я брошусь в дом и старику слепому спасенье возвещу! Как рад он будет, бедный!  
 Вест.<sup>271</sup> Когда Креонтов сын, за дом наш погибая, на кромке башни встал, и меч с обмоткой чёрной вонзил себе в гортань, и город этим спас, твой сын к семи вратам направил семь отрядов, за аргивянами велев следовать лохагам, и в кавалерию добавил свежих сил, и щитоносцами расширил строй гоплитов, чтоб, если вдруг стена под натиском поддастся, бойцов хватило бы. С высоких башен мы на белые щиты аргивские глядели, с Тевмэса<sup>272</sup> сползшие и, кромки рва достигнув,<sup>273</sup> метнувшиеся вдруг на наш кадмейский град!<sup>274</sup> Пэан<sup>275</sup> и пенье труб слились в одно звучанье, летя из вражьих туч и с наших стен высоких. Врата Нейтские сначала осадил<sup>276</sup> отрядом, вздыбленным щитов щетиной плотной, герой Парфенопей, охотницей рождённый,<sup>277</sup> блистающий щитом с эмблемой родовой – вебрь этолийский там, убитый Аталантой потоком дальних стрел. А жертвенных животных вёз к Претовым вратам<sup>278</sup> пророк Амфиарай,<sup>279</sup> на колесницу встав, и щит его широкий не раздражал врагов кичливою эмблемой. А вождь Гиппомедонт у Огигийских врат<sup>280</sup>

<sup>271</sup> Пирсон (с. 158): «Эта превосходная речь является образцом сжатого и ясного повествования».

<sup>272</sup> Тевмэс (Τεωμητός) – гора, находящаяся на расстоянии 8 км от Фив. Мастронард (с. 454): «Неизвестно, знал ли Евр[ипид] это расстояние и ожидал ли, что его знает аудитория». Не думается, что Еврипида волновали такие подробности.

<sup>273</sup> Видимо, аргивяне использовали перекидные мосты.

<sup>274</sup> Подлинность этой строки подвергается сомнению.

<sup>275</sup> Пэан – хоровая боевая песнь.

<sup>276</sup> Нейтские врата находились в северо-западной части города. Их существование археологически доказано. С этой строки и до строки, заканчивающейся словами «условленный сигнал» (37 строк ниже), протягивается отрывок, в подлинности которого некоторые исследователи сомневаются.

<sup>277</sup> Парфенопей (Παρθένοπαῖος) родился в Аркадии. Матерью его была знаменитая охотница Аталанта.

<sup>278</sup> Претовы врата были в восточной стене. Их существование тоже археологически доказано.

<sup>279</sup> Действия Амфиарая не вполне понятны. Пирсон (с. 159) цитирует древнего комментатора, говорящего, что животные могли понадобиться для дальнейшего гадания. Мастронард (с. 461) считает, что мы имеем дело с небрежностью автора (либо самого Еврипида, либо редактора). Животные, безусловно, уже убиты. Возможно, их кровью очищалась земля, как бы подготавливавшаяся для битвы. Впрочем, подробности этого обряда неизвестны.

к нам щит свой повернул, где на эмблеме в центре,  
 покрыт кругами глаз, Паноптес<sup>281</sup> устремляет  
 одни из них на свет всходящих в небо звёзд,  
 другими же следит за теми, что заходят,<sup>282</sup>  
 но будут видимы, когда их страж погибнет.  
 Гомолойдские врата<sup>283</sup> же штурмовал  
 Тидей, и шкурой льва был щит его украшен,  
 со вздутой гривой.<sup>284</sup> В своей деснице факел  
 он нёс, чтоб город сжечь, как Прометей-Титан.<sup>285</sup>  
 А сын твой Полиник подвёл к вратам Кренейским<sup>286</sup>  
 Ареса грозного, и на щите нёс образ  
 потнийских кобылиц, бегущих во всю прыть.<sup>287</sup>  
 Он изнутри щита их двигал рукояткой  
 и ставил на дыбы с умением немалым.<sup>288</sup>  
 Сраженья жажда не меньше, чем Арес,  
 к Электриным вратам<sup>289</sup> вёл Капаней отряд свой,  
 отлит был на щите его железноспинном  
 гигант, дитя земли, на плечи город весь  
 взваливший, разломав его фундамент ломом,  
 давая нам понять, что с городом случится.  
 А у последних врат, седьмых, стоял Адраст,  
 и сотнею гадюк был щит его расписан,

<sup>280</sup> Известно, что у Огигийских (или Онкейских) врат находился алтарь Афины Онки (такое прозвище было у этой богини в Фивах). Онкой назывался городок в Беотии, где находился храм Афины.

<sup>281</sup> Паноптес (Πανόπτης, «Всевидающий») – прозвище многоглазого великана Аргуса, убитого Гермесом.

<sup>282</sup> Пирсон (с. 160): «Автор этих тёмных строк, вероятно, хочет сказать, что Аргус пользовался своими глазами в две смены, глядя одними днём, а другими ночью, и что при помощи некоего механического приспособления, устройство которого не объяснено, изображение на щите делало это всё понятным». Это «механическое устройство», однако, вполне объяснено и было у зрителей. Оно называлось воображением. Иногда это устройство встречается и в наши дни.

<sup>283</sup> Эти врата названы по горе Гомола в Фессалии.

<sup>284</sup> Мастронард (с. 465): «Львиная шкура могла быть настоящей шкурой, покрывавшей щит, а не изображением. Грива (и, возможно, болтающиеся лапы) производили бы угрожающий эффект, как и роскошные гривы на шлемах».

<sup>285</sup> Текст здесь не совсем ясен. Либо Прометей тоже изображён на щите Тидея рядом со львом, либо сам Тидей несёт в своей правой руке факел, уподобляясь тем самым Прометею. Я склоняюсь ко второму толкованию. Если лев был изображением, то на щите оставалось бы мало места ещё и для Прометея. Изображения были бы маленькими и мешали бы друг другу производить впечатление на врагов. Если же львиная шкура была настоящей, с гривой и лапами, то на ней было бы трудно изобразить Прометея. Впрочем, подобные нюансы могли мало интересовать античного трагика, поэтому предлагаю перевод и альтернативного толкования (слово «Титан» в него, правда, не умещается): «со вздутой гривой, и Прометеем, нёшим || в деснице факел свой, чтоб город сжечь дотла.» Прометей (Προμηθεύς) – один из самых знаменитых персонажей древнегреческой мифологии, титан, защитник людей от произвола богов, укравший для людей огонь.

<sup>286</sup> Кренейские врата ещё называются Вратами источника, от слова «κρήνη» («источник»).

<sup>287</sup> Главк Потнийский был царём Коринфа, сыном Зевса и плеяды Меропы. По одному из вариантов мифа, в насмешку над Афродитой он запретил спаривать своих кобылиц. Главк надеялся, что благодаря этому его кобылицы станут более резвыми и он победит на соревнованиях колесниц. Афродита обиделась и пожаловалась Зевсу, что Главк якобы кормит лошадей человеческим мясом. Когда Зевс разрешил ей сделать с Главком все, что она захочет, она вывела ночью его кобылиц, дала им напиток из своего священного колодца и пустила пощипать травы, которая вызывала бешенство. Стоило Главку запречь своих кобылиц, как они понесли, перевернули колесницу и протащили его через весь стадион, а потом съели живьём. После смерти Главк был превращён богами в божество Тараксиппа, пугающее лошадей.

<sup>288</sup> Щит был, видимо, оснащён неким механическим устройством.

<sup>289</sup> Как и Претовы врата, они находились в восточной стене.

он будто гидру сжал своей рукою левой,<sup>290</sup>  
 знак славный аргивян,<sup>291</sup> гадюки же со стен  
 зубами цепкими тащили род кадмейский.  
 Успел я разглядеть всех воинов подробно,  
 пока давал вождам условленный сигнал.  
 Сперва мы луками сражались, и метали  
 ремнями дротики,<sup>292</sup> и хлёткими пращами  
 вздымали град камней, и бой уже был наш,  
 когда вдруг и Тидей, и сын твой закричали:  
 «Сыны данайские, пока ещё мы целы,  
 а не наляжем ли все вместе на врата,  
 гимнеты,<sup>293</sup> всадники, бойцы на колесницах?»  
 Услышав этот крик, никто уже не медлил,  
 и много полегло с пробитой головой,  
 и многих наших ты видала бы, летящих  
 на землю вдоль стены, как неких акробатов,  
 чтоб кровью напоить засохший рот земли.  
 Сын Аталанты там, аркадец, не аргивец,<sup>294</sup>  
 как смерч, качал врата, зовя огонь палящий,  
 кирки двузубые, чтоб город сжечь, разбить,  
 но гнев его пресёк Периклимён, сын бога,  
 властителя морей,<sup>295</sup> и сбросил с прясла камень,  
 огромный, точно воз, на голову врага  
 светловолосую, и череп раскололся  
 по швам, и винный цвет, ещё недавно щёки  
 жививший, алым стал. Не встретит сына мать,  
 та дочь Меналова,<sup>296</sup> с великолепным луком.  
 Увидев, что врата стоят надёжно, мчится  
 к другим вратам твой сын,<sup>297</sup> а я вослед за ним.  
 Я вижу, как Тидей и толща пехотинцев  
 на башни, меж зубцов, рой копий этолийских  
 бросают мастерскі, защитников гоня  
 с твердынь вознёсшихся, но сын твой их сзывает,

<sup>290</sup> Подлинность этой строки иногда подвергается сомнению, на мой взгляд, без достаточно веских оснований (особенно если учесть, что подлинность всего этого отрывка ставится под вопрос). Имеется в виду Лернейская гидра – стоголавое чудовище, убитое Гераклом. Поскольку щит Адраста полностью покрыт изображениями змей, то издали кажется, что он несёт в руке не щит, но саму гидру. Это очень яркий образ, в высшей степени характерный для Еврипида, и является, как мне кажется, одним из доказательств того, что автором всего описания осады является именно Еврипид.

<sup>291</sup> Мастронард (с. 470): «Гидра – знаменитая эмблема, с помощью которой аргивяне могут гордо провозглашать свою индивидуальность».

<sup>292</sup> В оригинале – «μεσαγκύλοισ», т.е. мы сражались «месанкулами». Это ременная петля, позволявшая метать дротик намного дальше, чем просто рукой.

<sup>293</sup> Гимнеты – легковооружённые пехотинцы.

<sup>294</sup> Имеется в виду ранее упоминавшийся Парфенопей.

<sup>295</sup> Периклимён (Περικλύμενος) – фиванский полководец, сын Посейдона.

<sup>296</sup> Отцом Аталанты обычно считают либо Иасия, либо Схенея. Еврипид, однако, называет Менала. Это был старший сын аркадского царя Ликаона, подговоривший своих братьев накормить Зевса человеческим мясом, чтобы проверить, действительно ли он всеведущий. Погиб от молнии Зевса. Возможно, впрочем, что Еврипид имеет в виду гору в Аркадии, тоже называемую Менал (или Мэнал) (Μαίναλον), на которой Аталанта выросла и стала знаменитой охотницей.

<sup>297</sup> Этеокл.

как ловчий – псов своих, и расставляет снова  
у башен. К остальным рванулись мы вратам,  
едва лишь бедствие от этих отвратили.  
Как опишу тебе безумство Капанея?  
Он лестницу таскал, похожую весьма  
на шею длинную, хвалясь, что сам священный  
огонь Зевесовый ему не помешает  
весь город сокрушить, все башни развалить!  
Он это выкрикнул, от каменного ливня  
скрываясь под щитом, и, гладкие ступеньки  
ногами меряя, карабкался наверх.  
Уже добрался он до выступа стенного,  
а Зевс как молнию метнёт в него! Вздремела  
земля, всех страх объял, и с лестницы герой  
скатился кубарем, конечности ломая,<sup>298</sup>  
копной волос в Олимп,<sup>299</sup> а кровью в землю метя,  
как Иксион, крутясь лавиной рук и ног,<sup>300</sup>  
и навзничь падая смердящим, чёрным трупом!  
Адраст, увидевши, что Зевс враждебен войску,  
за ров немедленно всех аргивян увёл,  
а наши, Зевсов знак благоприятный видя,  
метнулись из ворот всем скопом – колесницы,  
гоплиты, всадники – и гущу аргивян  
как вспорют копьями! Все беды тут случились,  
всё сшиблось в гиблый ком и с колесниц низверглось,  
колёса прыгали, об ось дробилась ось,  
на мёртвых мёртвые валились терпкой грудой!  
Смогли мы отвратить погибель наших башен  
на день сегодняшней, но повезёт ли нам  
и всей стране потом, на небесах лишь знают,  
страну ведь и сейчас какой-то бог избавил.<sup>301</sup>

Хор Победа хороша, и если боги к нам  
начнут благоволить, мне тоже будет счастье!<sup>302</sup>

Иок. Нас не оставили ни боги, ни удача!  
И дети здравствуют, и город мой спасён!  
Креонта только вот мой давний брак с Эдипом  
отведать вынудил прегорького напитка.  
Он, сына потеряв, стал в городе велик,

<sup>298</sup> Подлинность этой строки и двух последующих подвергается сомнению из-за экстравагантности сравнений, якобы престающих границы хорошего вкуса. Мне эти причины не кажутся вескими. Безумство Капанея привлекает к себе безумную, экстравагантную смерть. Пирсон (с. 166) считает, что, если мы удалим эти строки, то будем «мерять Евр[ипида] по слишком современному стандарту. Из того, что его [Еврипида – В.] стиль обычно сдержан, не следует, что он был всегда свободен от того, что мы приучены считать ошибками вкуса».

<sup>299</sup> Т.е. в небо. И Олимп, и небо считались жилищем богов.

<sup>300</sup> Иксион (Ἰξίων) – фессалийский царь, убийца и нечестивец. В наказание за свои преступления прикован в Тартаре к огненному колесу, вечно вертящемуся с невероятной быстротой.

<sup>301</sup> Эта строка сохранилась только в одной рукописи и поэтому долгое время незаслуженно считалась подложной.

<sup>302</sup> Смысл этих двух строк, произносимых корифеем, не вполне ясен. В переводе предлагается одна из возможных интерпретаций.

а дома у себя несчастен. Но скажи-ка,  
 что мальчики мои сейчас решили делать?  
 Вест. Зачем тебе? Оставь! Тебе пока везло!  
 Иок. Как странно ты сказал. Теперь я не отстану!  
 Вест. Ты хочешь большего, чем благо сыновей?  
 Иок. Услышать я хочу, что и меня ждёт счастье!  
 Вест. Пусти меня! Твой сын без щитоносца там!<sup>303</sup>  
 Иок. Скрываешь ты беду, таишь её во мраке!  
 Вест. Зачем же отравлять хорошее плохим?  
 Иок. Отсюда ты уйдёшь, лишь улетев по небу!  
 Вест. Ай-ай! Зачем же ты меня не отпустила,  
 весть добрую узнав? Зачем ты горя просишь?  
 Сыны задумали постыднейшее дело –  
 друг с другом смертный бой, не вмешивая войско.  
 Они сказали речь аргивцам и кадмейцам,<sup>304</sup>  
 которой вовсе бы произносить не нужно.  
 Так начал Этеокл, взойдя на гребень башни,  
 обеим армиям подав сигнал к молчанью:  
 «Военачальники земель и стран элладских,<sup>305</sup>  
 данайцы знатные, пришедшие к нам биться,  
 и славный Кадмов род! Ни ради Полиника,  
 ни ради прав моих вы не торгуйте жизнью!  
 Опасность эту сам от вас я удаляю  
 и брата моего зову на поединок!  
 Убив соперника, я буду царством править,  
 а если смерть приму, то всё ему оставлю!  
 Мужа аргивские, довольно вам сражаться,  
 ступайте по домам и не рискуйте жизнью!  
 Уже хватает нам лежащих тут спартанцев!»  
 Так речь он завершил. А Полиник твой сразу  
 из строя выбежал и вызов брата принял.  
 Гул одобрения издали тут аргивцы  
 и кадмовы бойцы, считая дело правым.  
 Тут мир был заключён, и, стоя между армий,  
 логархи поклялись держаться договора.  
 Доспехи чистые, сплошь медные, надели  
 сыны Эдиповы, седого старца семя.  
 Друзья им помогли: вождю державы этой –  
 спартанцы знатные, другому – цвет данайцев.  
 Они все светятся, в лице не изменяясь,  
 горя желанием друг в друга бросить копья.  
 Обоих, подойдя, друзья приободрили  
 словами смелыми, и так им говорили:  
 «Ты должен, Полиник, дубовый идол Зевса<sup>306</sup>

<sup>303</sup> Из этих слов следует, что Вестник – один из телохранителей Этеокла.

<sup>304</sup> Большой отрывок, начиная с этой строки и кончая словами «победу или гибель» (38 строк), иногда объявляется подложным, на мой взгляд, без достаточных на то оснований.

<sup>305</sup> Подлинность этой строки подвергается сомнению.

<sup>306</sup> Это идол, обычно выточенный из дуба или просто символизировавший ствол дуба, который ставился в ознаменование победы над врагом.



воздвигь на страх врагам, и тем прославить Аргос!»

А Этеоклу же: «За город свой ты бьёшься.

Став победителем, возьмёшь надолго скипетр!»

Так обращались к ним и биться понуждали.

Жрецы влекли овец, их резали, глядели

в огонь, не треснул ли, дрожит ли, предвещая

беду, и что сулит, какой из двух исходов,

корона жгучая – победу или гибель.<sup>307</sup>

Но если у тебя есть сила, мудрость речи,

заклятий волшебство – иди, от страшной битвы

отговори детей, огромна ведь опасность,

награда же мерзка. Наплачешься ты вдоволь,<sup>308</sup>

обоих сыновей в единый день лишившись!

Иок. Дочь, выйди из дому! Ты слышишь, Антигона?

Не хороводами, не девичьим весельем<sup>309</sup>

должна ты выполнять предназначенье божье,

но доблестных мужчин, твоих родимых братьев,

и ты, и мать твоя должны спасти от смерти,

чтоб им теперь не пасть, не погубить друг друга!

Ан. Ах, мать родимая, какой бедой неожиданной

пугаешь ты родных у самой двери дома?

Иок. Ах, дочь! Уходит жизнь твоих любимых братьев!

Ан. О чём ты? Иок. Предстоит на копьях им сражаться!

Ан. Как это, милая? Иок. Всё плохо! Да пойдём же!

Ан. Куда? Из девичьей? Куда идти мне? Иок. К войску!

Ан. Стыжусь я быть в толпе! Иок. Теперь не до приличий!<sup>310</sup>

Ан. Что проку от меня? Иок. Ты ссору братьев кончишь!

Ан. Но как же, мама? Как? Иок. Со мной падёшь им в ноги!

Ан. Тогда меж ратями веди меня! Не медли!<sup>311</sup>

Иок. Скорей! Скорей же, дочь! Успев к началу боя

и кóпья удержав, ещё вкушу я солнца!

Помедлив, пропадём! Тогда и ты погибнешь,<sup>312</sup>

и я умру с детьми, и лягу вместе с ними!

<sup>307</sup> Т.е. корона огня. Трещины, появляющиеся в языке пламени, а также его дрожь были плохой приметой. Толкование всего этого пассажа про гадание на огне является спорным. Подробное его обсуждение см. у Мастронарда (с. 496-9).

<sup>308</sup> Эта строка и следующая считаются подложными.

<sup>309</sup> Эта строка и четыре последующие (до конца реплики Иокасты) считаются подложными. Причины для этого недостаточно веские.

<sup>310</sup> В те времена незамужним девушкам не полагалось выходить без особой необходимости из своих комнат, не говоря уже о том, чтобы отправляться к скоплению мужчин. Иокаста требует от своей дочери поистине грандиозного нарушения приличий. Для современников Еврипида эта сцена была гораздо более произвольной, чем для нас, живущих в эмансипированном обществе.

<sup>311</sup> Большинство рукописей отдаёт эту строку Антигоне, однако существует и мнение, что говорит Иокаста, потому что, во-первых, дочь не может обращаться к матери в таком приказном тоне и, во-вторых, последующие слова Иокасты («Скорей! Скорей же, дочь!») нелогичны, поскольку дочь и сама понуждает мать. Эти доводы не очень убедительны, потому что упускают из внимания драматическую напряжённость момента, когда люди могут действовать и говорить не так, как в спокойной ситуации. Более того, слова «веди меня» более подходят дочери, чем матери. Редакторы пытаются обойти проблему, утверждая, что Иокаста обращается к Вестнику, что кажется мне натяжкой.

<sup>312</sup> Эта строка повторяет строку 976, поэтому её считают вставкой.

Хор<sup>313</sup> Ай-ай! Ай-ай! Я от страха дрожу,  
страхом сердце свело, и по плоти моей  
жалость, жалость к матери несчастной бежит!  
Кто же из двоих детей кровь брата прольёт?  
Как муторно мне!  
О, Зевс! Матерь Гея!  
Родная гортань, родная душа!  
Расколот щит, струится кровь!  
Ах, горе мне, злосчастной!  
Над кем же из них, убиенным, я слёзы пролью?  
Ах, Зевс! Ах, Зевс!<sup>314</sup> Эти двое зверей,  
две убийцы-души потрясают копьём,  
трупы, трупы кровью поле битвы зальют!  
Бедные, да как же вы решились на бой?  
Я варварский крик,  
я стон безутешный,  
мой дар мертвецам, в слезах утоплю!  
Подкрался рок! Тут, рядом, смерть!  
Что ждёт нас, меч рассудит!  
Злосчастно, злосчастно убийство, Эриниев труд!

Я теперь Креонта вижу. Весь насупленный, угрюмый,<sup>315</sup>  
прямо к дому он подходит, я поэтому смолкаю.<sup>316</sup>

Кр. И что же делать мне? Оплакивать пристало  
себя ли, город ли, туманом окружённый,  
как будто Ахеронт мы все пересекаем?<sup>317</sup>  
Мой сын за родину отважился погибнуть  
и тем прославился, а мне принёс лишь горе.  
Я, бедный, только что самоубийцу-сына  
забрал с драконьих круч вот этими руками.  
А дома плач стоит. Решил прийти я, старый,  
к сестре своей родной, старухе Иокасте,  
чтоб сына мёртвого обмыть и приукрасить.<sup>318</sup>  
Живому следует заботой об умерших  
почтенье проявлять к подземному владыке.<sup>319</sup>

<sup>313</sup> Мастронард (с. 504): «Как обычно бывает в трагедии, последний стасим самый короткий, в то время как действие движется к развязке». Этот стасим следует размеру оригинала.

<sup>314</sup> В оригинале – «φεῦ δᾶ φεῦ δᾶ», что можно перевести как взывание либо к Гее (т.е. Земле), либо к Зевсу. Мнения на этот счёт расходятся. Я выбрал второй вариант, потому что так перевод лучше попадает в размер.

<sup>315</sup> Весь нижеследующий отрывок, до слов «сейчас он всё расскажет» (27 строк) иногда объявляется подложным. Веских оснований для этого нет.

<sup>316</sup> Эти две строки написаны трохеическим тетраметром. Еврипид пользуется им для взволнованной, быстрой речи в девяти дошедших до нас трагедиях. В «Финикиянках» трохеический тетраметр появляется дважды. Всего лишь две строки, написанные этим размером – явление необычное.

<sup>317</sup> Ахеронт (Ἀχέρων, «река скорби») – одна из рек подземного царства, через которую Харон перевозит души умерших.

<sup>318</sup> В оригинале – «λοῦσῃ προθήται τ'», т.е. «обмыть и выставить» (в смысле «выставить труп для погребения»). Из-за нежелательной многозначности слова «выставить» его пришлось заменить. Приготовление тела к погребению было обязанностью женщин – ближайших родственниц покойного.

- Хор Сестра твоя, Креонт, из дома отлучилась,  
а вместе с матерью пошла и Антигона.
- Кр. Куда же и зачем? Скажи мне, что тут было?
- Хор Был слух, что сыновья на копьях будут биться,  
щиты свои сшибать, оспаривая царство.
- Кр. Да что ты говоришь! Возлюбленного сына  
земле я предавал и ничего не слышал!
- Хор Отправилась давно сестра твоя, однако.  
Я думаю, Креонт, что сыновья Эдипа  
уже закончили свой смертный поединок.
- Кр. Ах, боги! Вижу я, что так оно и стало!  
К нам вестник близится. Лицо его угрюмо,  
глаза потухшие. Сейчас он всё расскажет.

## ВТОРОЙ ВЕСТНИК

- Хор Ах я бедный! Что сказать мне? Что за плач издать печальный?<sup>320</sup>  
Нам конец! Такие речи не сулят большого счастья!
- Вест. Ах я бедный, повторяю! Скверные несу я вести!
- Кр. В дополнение к известным! Что сказать ты нам собрался?<sup>321</sup>
- Вест. Что сестра твоя лишилась сыновей, Креонт, обоих!
- Кр. Ай-ай!  
Ты о страшной беде мне и граду кричишь!<sup>322</sup>  
О ты, Эдипов дом! Ты слышал ли, как ныне  
двух сыновей твоих одна судьба настигла?<sup>323</sup>
- Хор Дом сам бы зарыдал, когда б он был разумным!<sup>324</sup>
- Кр. Ах, что за беда злосчастнейшая!<sup>325</sup>  
Как всё черно во мне! Как сильно я страдаю!<sup>326</sup>
- Вест. Не знаешь ты ещё о прочих злключениях!
- Кр. Да разве может быть ужаснее несчастье?
- Вест. Сестра твоя мертва! Пошла за сыновьями!
- Хор Поднимем же плач горестный!  
Ударим рукой белой голову!<sup>327</sup>
- Кр. Страдалица-сестра! Что за конец и жизни  
напела Сфинкс тебе, и браку, Иокаста!  
Как двое юношей друг друга умертвили  
из-за проклятия Эдипова? Скажи мне!

<sup>319</sup> Т.е. Аиду.

<sup>320</sup> На этой строке возвращается трохеический тетраметр. Им написаны пять строк.

<sup>321</sup> Отрывок, начинающийся этой строкой и кончающийся словом «Иокаста» (16 строк ниже), иногда объявляется подложным.

<sup>322</sup> Эта строка Креонта написанадохмиями и поётся.

<sup>323</sup> Одна из рукописей приписывает эту реплику корифею.

<sup>324</sup> Здесь, может быть, игра смыслов: (1) если бы дом был разумным существом, то он бы зарыдал, услышав эту весть; (2) если бы в Эдиповом доме был разум (т.е. если бы представители этого рода не наделали таких трагических глупостей), то дом принялся бы рыдать от раскаяния. Одна из рукописей приписывает эту строку Вестнику.

<sup>325</sup> Согласно другой традиции, эта строка принадлежит Хору, а предыдущая – корифею. Строка тоже написанадохмиями.

<sup>326</sup> Эта строка может быть подложной.

<sup>327</sup> Эти реплики Хора переведены размерами оригинала.

Вест. Ты, верно, про успех в сражении у башен  
слыхал. Извивы стен не так уж далеки,  
чтоб ты не смог узнать о том, как было дело.<sup>328</sup>  
Продолжу я. Надев своих доспехов медь,  
вступили сыновья увядшего Эдипа  
на поле ровное, меж выстроенных войск,  
при двух воителях, двух доблестных стратегах<sup>329</sup>  
готовясь бой начать, сражение копьём.  
Встав к Аргосу лицом, так Полиник молился:  
«О, Гера-госпожа! Я твой, ведь в жёны взял  
Адрастову я дочь, в твой город жить приехал!<sup>330</sup>  
Дай брата мне убить, обрызгай длань мою,  
врагов разящую, победоносной кровью!»  
Так брата он менял на мерзостный венец.<sup>331</sup>  
У многих вызвала молитва эта слёзы,  
переглянулись мы и опустили взор.  
А Этеокл на храм Паллады златощитной  
глядел и говорил: «Дочь Зевсова, метни  
рукой моей копьё, дающее победу  
великолепную, в грудь брата моего,  
сюда пришедшего мою отчизну грабить!»<sup>332</sup>  
Вот звуком вспыхнула тирренская труба,<sup>333</sup>  
дающая сигнал к началу поединка,  
и братья бросились друг друга убивать,  
свирепо скаля рты, как пара диких вепрей,  
и пеной капая с темнеющих бород.<sup>334</sup>  
Они трясли копьём, щитами заслонялись,  
чтоб с них соскальзывал отточенный металл,  
и, если глаз врага над кромкой появлялся,  
кололи сразу же, победу торопя.  
Но глаз вновь прятался за смотровым отверстием,  
и выпады копья не попадали в цель.  
Катился градом пот со зрителей сильнее,

<sup>328</sup> Эта строка иногда считается подложной.

<sup>329</sup> Эта строка тавтологична и отвергается почти всеми комментаторами. В оригинале – «δισσὸν στρατηγῶν καὶ διπλῶν στρατηλάτα», т.е. «(меж) двух стратегов и пары военачальников». В переводе сделана попытка сделать эту строку более удобоваримой.

<sup>330</sup> Мастронард (с. 531) поддерживает мнение, что имеется в виду страна не Геры, но Адраста. В таком случае перевод будет следующим: «О, Гера-госпожа! Я твой, ведь в жёны взял || Адрастову я дочь, в его стране живу я!» Мне кажется, что Полиник обращается всё-таки к Гере, потому что он вряд ли стал бы называть правителя-человека, обращаясь к правительнице-богине. Впрочем, я оставляю решение за читателем.

<sup>331</sup> Эта строка и две последующие иногда объявляются подложными.

<sup>332</sup> Эта строка повторяет строку 756 (в переводе они выглядят по-разному), поэтому одна из них может быть подложной. Мастронард (с. 534) предпочитает эту, однако поддерживает мнение о том, что обе строки могут быть вставками.

<sup>333</sup> По преданию, трубу изобрёл мудрец Тиррэн (Τυρρηνός), который, согласно некоторым вариантам мифа, был сыном Геракла. Погиб в море, которое было потом названо его именем. Тирренией древние греки называли Этрурию.

<sup>334</sup> Нужно ли из этого делать вывод, что братья не надели шлемы, ведь под шлемами этих подробностей не было бы видно? Такое вряд ли возможно, поэтому, скорее всего, здесь мы опять имеем дело с драматической вольностью рассказчика.

от страха за друзей, чем с бьющихся самих.<sup>335</sup>

Ногою Этеокл ему мешавший камень  
отбросил, выставив её за край щита,  
и тут же Полиник, не упуская случай  
пустить железо в ход, нанёс по ней удар.

Копьё аргивское насквозь пронзило голень,  
вскричали радостно данайские войска,  
но Полиник открыл, когда рукою двигал,  
плечо, и раненый вонзил ему копьё,  
как мог сильнее, в грудь, отраду возвращая  
кадмейским гражданам, ломая остриё.<sup>336</sup>

Оставшись без копья, попятился назад он,  
булыжник белый взял, метнул, копьё врага  
сломал напополам. Арес теперь был равным,<sup>337</sup>  
не оставалось ведь копья ни у кого.

Но выхватив мечи, сжимая рукояти,  
вновь сблизились они, щитами сшиблись звонко  
и начали кружить, друг друга ударяя.<sup>338</sup>

Тут вспомнил Этеокл один приём, который  
он как-то выучил, гостя у фессалийцев.  
Сражаться перестав, он отступил немного,  
на ногу левую опёрся, наблюдая  
за животом врага, где впадинка темнела,  
и, правой вдруг шагнув, вонзил своё оружие  
и в пуп, и в позвонки одним ударом ловким,  
и бедный Полиник, живот согнув, дрожащий  
всем телом, рухнул ниц в обильных брызгах крови.

Противник, думая, что одержал победу,  
меч бросил и снимать доспехи начал с брата  
неосмотрительно тем делом поглощённый,  
и погубил себя, ведь враг, ещё дышавший,  
в паденьи горестном свой меч не уронивший,  
с трудом поднял его и в печень Этеоклу  
вознил, и тот упал, касаясь Полиника.

И вот, кусая прах, лежат они бок о бок,  
два умирающих, не поделивших царство.

Хор Как я скорблю, Эдип, твои несчастья видя!  
Теперь, наверно, бог исполнил все проклятья!  
Вест. Узнай, однако же, и о дальнейших бедах.

<sup>335</sup> Эта строка и предыдущая иногда объявляются подложными, без веских оснований.

<sup>336</sup> Этот отрывок вызывает у комментаторов некоторые возражения. Кроме мелких проблем с грамматикой, возникает два вопроса: (1) если у Полиника открылось плечо, то каким образом Этеокл смог пронзить ему грудь; и (2) получив такую серьёзную рану, как смог Полиник сражаться дальше? На мой взгляд, упускаются из виду три обстоятельства: (1) что мы не наблюдаем за поединком сами, но получаем сведения из уст рассказчика, который может не передавать все подробности точно; (2) в состоянии аффекта даже серьёзно раненый человек способен продолжать поединок; и (3) не стоит требовать документальной точности от древней трагедии.

<sup>337</sup> Арес здесь является персонификацией поединка. Вариант без персонификации: «и бой теперь был равным».

<sup>338</sup> Смысл этой строки вызывает различные толкования. Для перевода выбрано лишь одно из них, как мне кажется, наиболее эффективное.

Ища своих детей, во прахе умиравших,  
их мать несчастная, вбежавшая внезапно  
с их девушкой-сестрой порывистой стопою,  
увидев сыновей, смертельные их раны,  
вскричала: «Деточки! Пришла я слишком поздно  
помочь вам!» Падая на них поочерёдно,  
рыдала, молвила, что их кормила грудью,  
что их растила зря. Сестра стенала тоже:  
«Вы, братья милые, и маму пожилую,  
и брак мой предали!»<sup>339</sup> Уже едва дышавший,  
правитель Этеокл родную мать услышал  
и к ней притронулся обмякшею рукою,  
ни звука не издав, одними лишь глазами,  
слезами полными, любовь к ней выражая.  
И Полиник, живой, сестру свою увидев  
со старой матерью, сказал слова такие:  
«Всё, мама, кончено. Мне жаль тебя, родная,  
жаль милую сестру и гибнущего брата.  
Он стал моим врагом, но мы одной с ним крови.  
Вы, мама и сестра, меня похороните  
в земле отеческой, вы успокойте город,  
сердитый на меня, чтоб я обрёл хоть малость  
земли моей родной, утратив дом навечно.  
Ты веки мне сомкни своей рукою, мама –  
он попытался сам ладонью материнской  
прикрыть себе глаза – прощайте! Всё темнеет.»  
И свой злосчастный дух тут оба испустили.  
Когда увидела их мать такое горе,  
пришла в отчаянье, меч мёртвого схватила  
и страх что сделала! Себе в мякину горла  
вонзила лезвие и, содрогаясь, пала  
на сыновей своих, обняв тела руками.  
Вскочили воины. Все наши закричали,  
что победителем остался мой хозяин,  
а те – что брат его. Ругались полководцы,  
один – что Полиник ударил брата первый,<sup>340</sup>  
другой – что мертвецам не присуждают лавры.  
От войска отошла тихонько Антигона.  
Все за оружие! По воле провиденья  
кадмейцы от щитов недалеко сидели,  
и мы набросились на армию аргивцев,  
они же не смогли от нас оборониться.  
Никто не устоял, враги покрыли землю  
бегущею толпой! Хлестала кровь с убитых,  
pronзённых копьями! Когда мы взяли поле,  
одни поставили победный идол Зевса,  
другие, сняв щиты с поверженных аргивцев,

<sup>339</sup> Поскольку Эдип отошёл от дел, по закону братья должны были устроить брак своей сестры.

<sup>340</sup> Эта строка и две последующие иногда объявляются подложными, в особенности упоминание Антигоны. Матронард (с. 550-1) с этим не согласен.

несли внутрь города оружие и доспехи,  
а прочие взялись, как Антигона, мёртвых  
по семьям разносить, чтоб каждый был оплакан.  
Так беды родины закончились прекрасно  
для многих горожан, для прочих же – несчастно.<sup>341</sup>

Хор<sup>342</sup> Нам уже не по слухам известны  
беды этого дома – мы видим  
трёх убитых, лежащих у входа  
во дворец, меж собой разделивших  
смерть и время скитаний во мраке.

Ан.<sup>343</sup> Не покрывая ни щёк моих нежных, кудрями увитых,  
ни, хоть и стыдно мне, девушке, век моих  
грузных, пурпурных, лица покрасневшего,  
мчусь я бесстыдно, вакханка покойников,  
сбросив покров, обрамлявший мне волосы,  
и распуская шафранную роскошь одежд,  
перед процессией, с громкими стонами. Ай-ай! Ах, горе!  
Ах, Полинник мой! Ты правильно назван был!<sup>344</sup> Фивы, увы!  
Спор твой – не спор, но лишь кровь, с кровью смешана –  
дом ты Эдипов разрушил враждой своей,  
бойней ужасною,  
бойней жестокою!  
Что за стройный  
крик я издам, будто созданный музами,  
слёзы к слезам, о, мой дом, дом возлюбленный,  
здесь призывая,  
мёртвых неся,<sup>345</sup> всех троих моих родичей,  
маму и братьев, на радость Эринии,  
прежде уже дом Эдипов разрушившей,  
в день, когда понял он  
гибким умом суть загадки запутанной<sup>346</sup>  
Сфинкса, на гибель певичы безжалостной!  
Что за горе!  
Гречанка ли, варварка ли,  
древних семей знатная дочь  
терпела ли так много зол  
в кровопролитии людском,  
столько всезримых скорбей?

<sup>341</sup> Оригинал тоже заканчивается рифмованным двустипением – редкое явление: «πόλει δ' ἄγωνες οἱ μὲν εὐτυχέστατοι || τῆδ' ἐξέβησαν, οἱ δὲ δυστυχέστατοι». Хотя рифмы, в привычном для нас понимании, античные авторы не знали, иногда, например, в трагедиях Еврипида, у них появляется намеренная переключка слов.

<sup>342</sup> Эта хоровая строфа написана и переведена анапестом.

<sup>343</sup> Перевод плача Антигоны и её последующего разговора с Эдипом следует ритму оригинала.

<sup>344</sup> Напомню читателю, что имя «Полинник» означает дословно «многообразный» или «склонный ко многой вражде».

<sup>345</sup> Разумеется, Антигона не сама несёт мёртвых. Это делают слуги, но поскольку она возглавляет процессию, то и получается, что она как бы делает всё сама. В таком же смысле говорится, например, что такой-то царь построил такой-то дворец, хотя сам царь ничего, конечно, не строил.

<sup>346</sup> Эта строка сохранилась в нескольких разночтениях. Перевод следует одной из версий.

Как, бедная, рыдает!<sup>347</sup>  
 Что за птица средь листвы,  
 в кроне дуба или ели запоёт,  
 крику девушки, лишённой  
 любимой матери, вторя?<sup>348</sup>  
 Тягостный стон я издаю,  
 плачу о них, близких моих,  
 сырый мой век я проведу в горьких слезах!  
 Как тошно мне!<sup>349</sup>

На кого брошу я  
 локон мой, первый дар жертвенный?<sup>350</sup>  
 Может, на мать? Или на двойню грудей,<sup>351</sup>  
 млеко нам давших?  
 Или на братьев,  
 мёртвых, израненных жестоко?

О-то-то-той!<sup>352</sup> Ты покинь  
 свой дом во тьме полых глазниц,<sup>353</sup>  
 старик отец, и горе  
 тяжёлой судьбы яви нам, Эдип!  
 Чёрную темень на очи набросивший,  
 ты в доме влачишь свой тягостный век!  
 Ты слышишь ведь, меря  
 двор дряхлой стопою,  
 а, может, вздремнув  
 на ложе несчастном?

## ЭДИП

Зачем слепца, сжимающего посох,  
 дочь, ты к свету вызываешь?<sup>354</sup>  
 Лежавший на постели в тёмной спальне,  
 вышел я на плач твой горький!  
 Соткан я из эфира, дух седой,  
 подземный мертвец,  
 сон легкокрылый!

Ан.        Весть ты получишь, отец, безотрадную!

<sup>347</sup> Эта строка плохо сохранилась и понимается неоднозначно. В переводе принята версия, по которой Антигона говорит о себе самой, смотря на себя как бы со стороны. Происходит диссоциация личности, вызванная состоянием крайней скорби. См. обсуждение этого вопроса у Мастронарда (с. 571-2). Альтернативная версия: «Как плачу я, бедняжка!»

<sup>348</sup> Части этого предложения плохо сохранились, поэтому смысл не до конца ясен.

<sup>349</sup> В оригинале – «ἄχῆσω», т.е. «я буду кричать». Считается, что это слово – более поздняя вставка.

<sup>350</sup> Перед началом жертвоприношения со лба животного срезался локон, который сжигали на алтаре.

<sup>351</sup> Эта строка и следующая плохо сохранились, и существуют разные их толкования.

<sup>352</sup> В оригинале – «ὀτὸτὸτὸί». Это восклицание встречается иногда у Еврипида. В переводе было решено сохранить его, однако читатель может заменить его на что-нибудь более привычное, например, «Боже ты мой!»

<sup>353</sup> В оригинале сказано проще – «ἄλαδὸν ὄμμα φέρων», т.е. «слепой взор неся», но это не будет звучать по-русски.

<sup>354</sup> Мастронард (с. 580): «Эдип представлен призрачным существом или демоническим привидением как этой фразой, так и другими оборотами в этом отрывке».



- Свет ни дети твои уж не видят,<sup>355</sup>  
 ни супруга твоя, что трудилась,  
 посохом став для тебя и слепые стопы направляя!  
 Бедный отец мой!
- Эд. Горе какое! Теперь накричусь я, теперь нарыдаюсь!  
 Три души какой же судьбой  
 скрылись от солнца? Рассказывай, милая!
- Ан. Без порицанья, злорадства не ведая,  
 с большою скажу тебе: демон твой мстительный<sup>356</sup>  
 с целой грудой мечей,  
 с пламенем, с битвами страшными на сыновей твоих вышел!  
 Бедный отец мой!
- Эд. Ай-ай! Ан. Чего ты застонал?<sup>357</sup>
- Эд. Дети! Ан. Как страдаешь ты!  
 Если бы солнце увидел ты, мчащее  
 на четверной колеснице,<sup>358</sup> и если бы  
 светом очей ты окинул покойников...<sup>359</sup>
- Эд. Ясно мне зло, сыновей погубившее.  
 Дочь, а жену мою бедную что за кончина постигла?
- Ан. Умоляя и прилюдно зарыдав,  
 их сжимала, прижимала  
 к умоляющей груди.<sup>360</sup>  
 Мать у Электриных врат увидала их,<sup>361</sup>  
 там, среди луга, кормящего лотосы,<sup>362</sup>  
 копья скрестивших в бою.  
 Словно пещерные львы разъярённые,  
 грызлись они, возлиянье смертельное  
 совершая уж стынувшей кровью своей,  
 в жертву Аиду Аресом расплёсканной!  
 Взяв меднокованный меч у погибших, его погрузила  
 в тело своё и упала, скорбя, на детей бездыханных!  
 Все эти беды за день лишь единственный  
 волею бога, отец мой, сгустились и грянули  
 над родимым домом!

<sup>355</sup> Антигона так и говорит «дети» («τέκνα»), а не «сыновья». Она, как женщина, не имеет значения для продолжения рода Эдипа, поэтому факт её выживания неважен. То же самое касается её сестры Исмены.

<sup>356</sup> Имеется в виду один из духов-мстителей (ἀλάστωρ), живущих в Аиде и наказывающих злодеев.

<sup>357</sup> Антигона, видимо, хочет сказать: «Чего ты стонешь, разве ты не знал, что рано или поздно это случится?»

<sup>358</sup> Бог Солнца, Гелиос, объезжает небосвод на колеснице, запряжённой четырьмя конями.

<sup>359</sup> В некоторых изданиях здесь ставят знак вопроса, однако он отсутствует в рукописях. Вероятно, Эдип здесь перебивает Антигону. В переводе принята эта версия, как не требующая никаких добавлений.

<sup>360</sup> Типичная для Еврипида избыточность в описаниях. Иокаста не только сама умоляет («ἰκέτις»), но и грудь у неё умоляющая («μαστόν ἔφερον ἰκέτιν»).

<sup>361</sup> Отрывок, начинающийся этой строкой и заканчивающийся словами «Аресом пролитуую» (7 строк ниже) иногда считается подложным из-за своих языковых особенностей и ещё потому, что он якобы прерывает ход повествования. Мастронард (с. 586) всё-таки считает это место подлинным и вполне в стиле Еврипида, и я согласен с ним.

<sup>362</sup> Поскольку лотосы не растут на лугу, то, наверное, имеется в виду река, либо протекающая через луг, либо находящаяся рядом с лугом.

- Хор Как много зла принёс Эдиповому роду  
минувший этот день! Да будем мы счастливей!<sup>363</sup>
- Кр. Довольно сетовать! Пора уже подумать  
о погребении. Эдип, а ты послушай!  
Мне сын твой, Этеокл, дал власть над этим царством,  
как часть приданого, когда Гемон женился  
на дочери твоей, царевне Антигоне.<sup>364</sup>  
Тебе я не могу позволить здесь остаться.  
Тиресий ясно ведь сказал, что этот город  
не будет счастья знать, пока живёшь ты с нами.  
Давай, готовься в путь! Я это не по злобе,  
не по вражде сказал, но в страхе за отчизну,  
чтоб демоны<sup>365</sup> твои ей больше не вредили.
- Эд. Судьба, в какое зло я был тобою брошен  
с начала самого! Кто был таким несчастным?  
Ещё из матери не вышел я на солнце,  
как Лаю Аполлон прорёк, что суждено мне  
отцеубийцей стать. Ах, бедный я, несчастный!  
Едва я начал жить, мой собственный родитель  
решил меня убить, соперником считая,  
губителем своим! Он мальчика грудного,  
как пищу жалкую, зверям скормить задумал!  
Меня тогда спасли. Зачем в бездонный Тартар,  
во тьму весь Киферон тогда не провалился?  
Он не сгубил меня,<sup>366</sup> и был я вскоре послан  
судьбой к Полибию, на рабскую работу.<sup>367</sup>  
Отца потом убив, возлѣг я, горемычный,  
на ложе матери моей многострадальной  
и братьев-сыновей родил, и погубил их,  
проклятя Лаевы отдав своим же детям!

<sup>363</sup> Эти строчки плохо сохранились и понимаются по-разному. Корифей может желать счастья либо всем присутствующим, либо только Эдипу. Грамматика допускает и то, и другое. Вот альтернативный перевод: «Как тяжёк этот день семье царя Эдипа! || Пусть жизнь несчастного теперь счастливей станет!» Подлинность текста с этой реплики корифея и до самого конца трагедии вызывает серьёзные сомнения. Язык этого отрывка часто неловок до неуклюжести, выдавая руку не очень талантливого редактора. Ковач (с. 373): «Вероятно, отсюда до самого конца пьеса была переработана для какой-нибудь более поздней постановки, причём новый материал заменил старый». Ковач допускает вероятность того, что некоторые строки первоначального текста могли быть сохранены в новом варианте. Я с этим согласен.

<sup>364</sup> Это предложение плохо написано и смысл его не вполне ясен. Креонт заявляет свои права на трон ввиду того, что сын его, Гемон, получил приданое за Антигону. Пирсон (с. 195): «Обычно под этим понимается то, что Этеокл дал власть Креонту в качестве приданого Антигоны, вышедшей замуж за Гемона. Но если бы Этеокл остался жив, разве не утратил бы тогда Гемон своё приданое? И если приданое было дано Гемону, то с какой стати царём становится Креонт? Я думаю, что автор этих строк хотел передать общий смысл того, что власть была оставлена напрямую Креонту, а рука Антигоны была отдана, вместе с приличествующим приданым, Гемону».

<sup>365</sup> В оригинале – «ἀλάστορας», т.е. «каратели, мстители». Имеются в виду демоны или духи, мучающие осквернённого нечестием человека и могущие нанести вред всем, кто с ним так или иначе соприкасается.

<sup>366</sup> Имеется в виду гора Киферон. Античные критики ругали Еврипида за то, что Эдип у него проклинает ни в чём не повинную гору, когда было бы разумней проклясть пастухов, которые нашли его, или жену Полибия (см. Мастронард, с. 602).

<sup>367</sup> Это предложение плохо сохранилось, поэтому перевод может быть приблизительным. Пирсон (с. 196): «Здесь опять серьёзные просчёты. Полибий не обращался с Эдипом, как с рабом, но воспитал его своим наследником».

- Но не настолько я лишён благоразумья,  
 чтоб и глазам своим, и сыновьям вредил я  
 без подстрекательства какого-нибудь бога!  
 Однако что же мне, злосчастному, поделать?  
 Слепой стопе моей кто станет провожатым?  
 Вот эта мёртвая? Живой она пошла бы.  
 Два сына доблестных? Со мною нет их больше.  
 Неужто я так юн, что сам сумею выжить?  
 Но как? Зачем, Креонт, меня совсем ты губишь?  
 Ты ведь убьёшь меня, прогнав из государства!  
 Но я не обхвачу в мольбе твои колени,  
 не уроню себя, и знатности минувшей  
 трусливо не предаю, пусть мне теперь и плохо!
- Кр. Прекрасно сказано. Колен ты не обхватишь,  
 а я не допущу, чтоб жил ты в этом царстве!  
 Теперь о мертвецах. Вот этого нам нужно  
 поднять и в дом нести, а вон того, который  
 захватчиков привёл в наш город, Полиника,  
 за городской чертой, без погребенья бросьте!  
 И пусть глашатаи объявят всем кадмейцам:  
 любой, кто этот труп гирляндами украсит,  
 кто погребёт его, получит смерть в награду!  
 Без слёз, без похорон, пускай он птиц накормит!  
 А ты свой плач тройной закончи, Антигона,  
 и возвращайся в дом, и в девицких покоях  
 седи себе и жди, когда твой день наступит  
 и выйдешь замуж ты за моего Гемона.
- Ан. Отец, в какой беде мы, бедные, погрязли!  
 Я плачу по тебе сильнее, чем по мёртвым,  
 ведь не страдаешь ты тут меньше, там сильнее,  
 но полностью, отец, несчастьем ты охвачен!  
 Хочу тебя спросить, властитель новодельный:  
 отца ты моего зачем теснишь и гонишь,  
 законы создаёшь над трупом горемычным?<sup>368</sup>
- Кр. То Этеоклово, а не моё решенье.
- Ан. Один глупец решил, другой же выполняет!
- Кр. Как? Разве можно нам не следовать приказам?<sup>369</sup>
- Ан. Отнюдь, но не дурным, не безрассудно данным!
- Кр. Не правильно ль скормить вот этого собакам?
- Ан. Нет, наказание такое незаконно!
- Кр. Он враг был городу, пускай и не с рожденья.
- Ан. Неужто он уже судьбою не наказан?
- Кр. Пускай накажется и смертью без могилы!<sup>370</sup>

<sup>368</sup> Удачное слово «горемычным» («*ταλαιπώρφ*») заимствовано из перевода Анненского.

<sup>369</sup> Креонт здесь явно превышает свои полномочия. Он не только незаконно объявил себя царём, но и прогоняет Эдипа на основании несуществующего приказа. На самом деле, он, во-первых, боится, что проклятие, тяготеющее над Эдипом, как-то повлияет и на его власть, а, во-вторых, не может простить всему Эдипову роду смерть своего сына, Менекея (хотя Антигона нужна ему для обоснования захвата престола).

<sup>370</sup> Для древнего грека отсутствие погребения и соответствующих обрядов было одним из самых страшных наказаний. Считалось, что душа непогребённого не сможет найти себе покоя и будет вечно блуждать между

Ан. Преступно ль требовать кусок земли своей же?  
 Кр. Пойми ты, что земли покойный не получит!  
 Ан. Я погребу его, и не указ мне город!<sup>371</sup>  
 Кр. Тогда уж и себе могилу рядом вырой!  
 Ан. Что ж, славно двум родным покоиться бок о бок!  
 Кр. Эй вы, схватить её и отвести в покои!<sup>372</sup>  
 Ан. Не смейте! Руки прочь! Я не оставлю брата!  
 Кр. Судьба не так, как ты, родимая, решила!  
 Ан. Но было решено и не бесчестить мёртвых!  
 Кр. На этот труп никто земли не бросит влажной!  
 Ан. Нет! Матерью, Креонт, клянусь я, Иокастой!  
 Кр. Напрасно трудишься! По-твоему не будет!  
 Ан. Позволь хотя бы мне омыть водою тело!<sup>373</sup>  
 Кр. Нет! Это городу я тоже запрещаю!  
 Ан. Позволь перевязать зияющие раны!<sup>374</sup>  
 Кр. Нет! Не выказывай покойнику почтение!  
 Ан. Тогда, любимый брат, к твоим устам прильну я!  
 Кр. Нет! Плачем на свой брак накличешь ты несчастье!  
 Ан. Что ж это? Я живу, чтоб сын твой стал мне мужем?  
 Кр. Куда ты денешься? Придётся, дорогая!  
 Ан. Одной из Данаид в ночь брачную я стану!<sup>375</sup>  
 Кр. Вы посмотрите-ка! Дерзит и не боится!  
 Ан. Зову в свидетели вот этот меч железный!<sup>376</sup>  
 Кр. Зачем так яростно свой брак ты отвергаешь?  
 Ан. С отцом несчастнейшим отправлюсь я в изгнанье!  
 Кр. Да, благородна ты, но и глупа немножко!  
 Ан. Погибну я с отцом, узнай теперь и это!  
 Кр. Ты сына не убьёшь! Иди! Покинь мой город!<sup>377</sup>

---

мирами. В тех случаях, когда тело нельзя было обрести, покойнику приготавливалась пустая могила, так называемый «кенотаф», и проводился, если это было возможно, погребальный обряд.

<sup>371</sup> Мастронард (с. 616): «Эти слова усиливают решимость Антигоны, потому что приписывают большую власть Креонту и создают образ противостояния одной Антигоны всем другим. Ант<игона> Соф<окла> на протяжении большей части пьесы считает приказ Креонта его личным [приказом] и не пользующимся общественной поддержкой, хотя Креонт и возвеличивает свою позицию, заявляя о том, что он представляет собой государство».

<sup>372</sup> Обращение к слугам. Видя решительность Антигоны, которой он явно не ожидал от слабой девушки, Креонт прибегает к силе. Он не может допустить погребения Полиника по трём причинам: (1) если в самом начале его авторитет будет подорван, к тому же девушкой, народ не будет уважать его; (2) если Антигона погребёт Полиника, то придётся её убить, а это может вызвать недовольство и даже сопротивление в народе, что тоже плохо для ещё не укреплённой власти; и (3) смерть Антигоны сделает невозможным её брак с Гемоном и, следовательно, притязания Креонта на власть лишатся и без того шаткой основы.

<sup>373</sup> В оригинале интересное выражение – «λουτρά περὶβαλεῖν», которое можно перевести дословно как «облечь водами» или «набросить воды (на тело)».

<sup>374</sup> Она просит этого не для Полиника (которому, конечно, это уже не поможет), но для себя. Мастронард (с. 618): «Перевязка ужасных ран не будет иметь никакого ритуального значения, однако это, по крайней мере, послужит утешением для неё самой». Она, таким образом, хоть что-то сделает для брата.

<sup>375</sup> Антигона намекает на то, что она прирежет Гемона в брачную ночь. Данаиды (Δαναΐδες) – пятьдесят дочерей ливийского царя Даная, которые (кроме одной) убили своих мужей в первую брачную ночь. Тем самым Данаиды хотели спасти своего отца, которому было предсказание, что он погибнет от руки зятя. Так оно и случилось. Единственный выживший зять и стал его убийцей.

<sup>376</sup> Мастронард (с. 620): «Вероятно, Ант<игона> всё ещё стоит на коленях около тела Полиника и кладёт руку на его меч». Пирсон (с. 202): «Несомненно, здесь актёр поднимал меч Полиника».

<sup>377</sup> Креонту остаётся единственный выход – прикрыть свою слабость заботой о сыне.

- Эд. Спасибо, доченька, за рвение такое!
- Ан. На что мне брак, отец? Чтоб ты один скитался?
- Эд. Живи тут счастливо, а с горем сам я справлюсь.
- Ан. Ты ведь слепой, отец! Кто за тобой присмотрит?
- Эд. Там, где судьба решит, я и свалюсь на землю.
- Ан. Таков ли наш Эдип с загадкой знаменитой?<sup>378</sup>
- Эд. Погиб я! В тот же день и воспарил, и рухнул!<sup>379</sup>
- Ан. Но не должна ли я делить твои несчастья?
- Эд. Позорно дочери с отцом слепым скитаться.<sup>380</sup>
- Ан. Когда в ней ум, отец, то это благородно!
- Эд. Я к матери твоей притронуться хотел бы.
- Ан. Я отведу тебя. Коснись старушки милой!<sup>381</sup>
- Эд. Ах, мама! Ах, жена! Как ты была несчастна!
- Ан. Лежит, страдальца. На ней все беды сразу.
- Эд. Где мёртвый Этеокл? Где Полиник мой павший?
- Ан. Тут, на земле они, один вблизи другого.
- Эд. Рукой моей слепой до бедных лиц дотронься!
- Ан. Конечно. Прикоснись к своим умершим детям!
- Эд. Злосчастливого отца злосчастные созданыя!
- Ан. Брат милый, Полиник! Возлюбленное имя!
- Эд. Вот слово Локсия, родная, и свершится!
- Ан. Какое? Новых бед ты к старым прибавляешь?
- Эд. Что я бродягою в Афинах жизнь окончу!
- Ан. А где? В какой оплот аттический войдёшь ты?
- Эд. В Колон<sup>382</sup> священнейший, где конный бог<sup>383</sup> владычит.  
Пойдём, однако же. Служи отцу слепому,  
раз хочешь ты и впрямь делить его изгнанье.
- Ан. Изгнанье горькое! Дай милую мне руку,  
старик-отец! Я тут, с тобой,  
как рядом с кораблём попутный ветер.
- Эд. Гляди!  
Иду я, дочь! А ты мне стань  
тоскующим проводником!
- Ан. Я стала им, я стала им,  
несчастьем превзошла всех девушек фиванских!
- Эд. Где шагнуть ступнёю дряхлой?  
Посох, дочь, куда нести?
- Ан. Ты сюда, сюда иди!

<sup>378</sup> Дословно: «Но где тогда Эдип и знаменитая загадка (множ.)»? Антигона пытается напомнить отцу о его славном прошлом и воодушевить его.

<sup>379</sup> Т.е. день его славы, когда он разгадал загадку Сфинкса и стал царём, одновременно стал днём, с которого началось его низложение.

<sup>380</sup> Т.е., как поясняет Матронард (с. 624): «Незамужней девушке не следует бродить на людях».

<sup>381</sup> В оригинале – «*ὑεραϊδὸς φίλτατῆς*». Немного странно, что Антигона так называет свою мать.

<sup>382</sup> Колон (Κολωνός) – один из демов (территориальных округов) древних Афин. Существует и ныне в качестве одного из районов сильно разросшегося города. О том, что случилось там с Эдипом, читайте в прекрасной трагедии Софокла «Эдип в Колоне».

<sup>383</sup> Посейдон, одним из священных животных которого был конь.

- Ногу ставь сюда, сюда!  
Ты, как сон, бессилён!<sup>384</sup>
- Эд. Ах, боже мой!<sup>385</sup> В бедственном изгнании  
скитаться, старому, без родины!  
Ах, боже мой! Ад какой терплю я!
- Ан. Терплю? Терплю? Нет, Закон не видит злых,  
и за глупости не судит он людей!<sup>386</sup>
- Эд. Ведь это я был вознесён  
победным гимном к небесам,  
девы-зверя разгадав<sup>387</sup>  
мудрёную загадку!
- Ан. Сфинкса вновь ты упрекаешь?  
Лучше об ушедшем счастье вспомни!  
Впереди большие беды!  
Ты, отец, вдали от дома  
где-нибудь погибнешь!  
Пусть слёзы горькие текут из глаз подруг,  
а я покину край родной, скитаясь,  
хоть это стыдно девушке!
- Эд. Что за драгоценный дух!<sup>388</sup>
- Ан. В злополучиях отца  
обрету я славу!  
Как горек мне твой стыд! Поруган мёртвый брат,  
лишён своей родины, непогребён!  
Пусть я умру, отец, но будет он лежать,  
бедный, в чёрной земле!
- Эд. Иди молись у алтарей,<sup>389</sup>  
своим подругам покажись!
- Ан. Хватит им уже моих  
жалоб и всечасных бед!
- Эд. Пойдём же к Бромиию, в чертог  
нехоженный, к менадам гор!
- Ан. Надевала уже  
я небриду кадмейскую, и на горах,  
чтоб Семелу почтить,

<sup>384</sup> В оригинале – «ὄσπ' ὄνειρον ἰσχύων», т.е. «(ты) как сон (в отношении твоей) силы». Другими словами, ты бессилён, как сон.

<sup>385</sup> В оригинале восклицание горя – «ὦ ἰὼ». Более буквальный вариант перевода: «Увы! Увы!». То же самое повторяется через строку.

<sup>386</sup> Смысл этих двух строк не вполне понятен. Кажется, Антигона хочет сказать, что Эдипу нет смысла стонать о том, что он терпит несправедливость, потому что он не добьётся этим никакого результата – никакой закон (в оригинале закон персонифицирован) не встанет на его защиту. Закон не карает людей за то, что они совершают глупые, бессмысленные поступки (она имеет в виду Креонта, изгнавшего Эдипа без серьёзного на то основания). Вот менее точный, но более понятный вариант: «К чему стонать? Нет, Закон не видит злых» и т.д.

<sup>387</sup> Эта строка плохо сохранилась.

<sup>388</sup> В одной рукописи эта строка отдаётся Антигоне, и некоторые редакторы соглашаются с этим.

<sup>389</sup> Смысл этой строки, а также трёх последующих не вполне ясен. Возможно также, что нарушен их порядок. Перевод следует порядку, который предлагает Диггл, но есть и другие варианты. Наверное, Эдип хочет, чтобы Антигона пошла и попрощалась либо с Хором, либо со своими подругами (в оригинале – «сверстницами»). Антигона отказывается и предлагает уходить немедленно, видимо, боясь, что Креонт передумает её отпускать.

хоровод вела священный,  
на богов трудясь неблагодарно!

Эд.<sup>390</sup> Граждане отчизны славной, посмотрите! Вот Эдип ваш,  
знаменитую загадку разгадавший, муж великий!  
Я, пресёкший в одиночку кровожадность девы-Сфинкса,  
ухожу теперь в изгнание, обесчещенный и жалкий!  
Но зачем стонать мне горько? Для чего скорбеть напрасно?  
Смертному терпеть пристало всё, что послано богами!

Хор О, великая, славная Ника,  
жизнь мою ты возьми под крыло  
и венки мне вручай непременно!<sup>391</sup>

Москва– Брисбен, 11.01.2016-21.04.2017

---

<sup>390</sup> Прощальная речь Эдипа (6 строк) написана и переведена трохеическими тетраметрами.

<sup>391</sup> Эти заключительные строки Хора, написанные и переведённые анапестом, встречаются также в трагедиях Еврипида «Ифигения в Тавриде», «Орест» и «Ипполит» (в случае с последним – не во всех рукописях).